

Дуглас Ричардс
Убийца Бога
Серия «Творец Бога», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11286676
Убийца Бога: «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82061-0

Аннотация

Гениальный ученый Кира Миллер нашла способ резко усиливать способности человеческого интеллекта – на короткое время, зато практически безгранично. В подобном «разогнанном» состоянии человек может легко и молниеносно решать задачи, остающиеся для всех остальных лишь уделом научной фантастики. Кира собирается раскрыть секрет бессмертия, а также разработать технологии перехода на сверхсветовые скорости. Но ей и ее малочисленным единомышленникам противостоят мощные скрытые силы, стремящиеся завладеть тайной усиления интеллекта. Поставленные вне закона, ученые находятся в смертельной опасности. И тогда, чтобы разом решить все свои проблемы, Кира в «разогнанном» состоянии придумывает ошеломляющий план...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
1	12
2	14
3	21
4	27
5	31
6	33
7	38
8	40
9	46
10	48
11	55
12	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дуглас Ричардс

Убийца Бога

Douglas E. Richards

Amped

Copyright © 2012 by Douglas E. Richards

© Посецельский А.А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

*Моей безумно талантливой сестре, Памеле Ричардс Сайкс, чьи
непрестанные помощь, поддержка и одобрение так много для меня
значат.*

*Эта книга является вымыслом. Все характеры, события и
диалоги – плод авторского воображения и не могут расцениваться
как реальные. Любые совпадения с действительными событиями или
личностями, живыми или умершими, абсолютно случайны.*

Пролог

Кира Миллер подошла к громоздкой штуковине, стоящей в центре изолированной лаборатории комплекса ядерной физики, и не смогла удержаться от улыбки. Устройство размером с небольшой автомобиль напоминало машину Руба Голдберга¹, сделанную водопроводчиком, или абстрактную скульптуру, сбежавшую из музея современных искусств.

Однако это устройство было совсем иным.

Перед Кирой стоял святой Грааль энергетики. Реактор холодного синтеза. Генератор, который работал в основном на воде и производил чистую энергию ценою лишь в малую долю ее современной стоимости. Установка, которая перевернет мир, если ее удастся завершить. И если им это *позволят*.

Дэвид Дэш стоял рядом с Кирой. Он протянул руку и провел пальцами по одной из поверхностей установки. Технически Дэш был мужем Киры, хотя на их маленькой свадьбе присутствовали лишь несколько друзей и никто не заполнял свидетельство о браке. В глазах Соединенных Штатов они не были мужем и женой. С другой стороны, в глазах Соединенных Штатов оба они были мертвы, похоронены на разных кладбищах и давно разложились, так что удивляться тут нечему.

Рабочие часы давно закончились. Кира, Дэвид и их близкий друг и коллега Росс Мецгер находились одни в большом здании, а совершенная система безопасности комплекса обеспечивала их уединение. Компания «Эдванст Физикс Интернэшнл» год назад была приобретена у ее основателя брокером, а инвесторы с глубокими карманами остались анонимными. Росс Мецгер стал генеральным директором и тут же нанял исполнительного директора, который занимался текущей рутинной, пока сам Росс работал над собственными проектами.

Мецгер подошел поближе и встал рядом с реактором, который построил в своей личной лаборатории. Одним прикосновением подушечки большого пальца эта лаборатория запиралась крепче Форт-Нокса².

– Эта версия дает на выходе всего на два процента больше, чем я подаю на вход, – пояснил Мецгер. – Пока еще не повод для плясок. Но доказывает правильность концепции. А моя умная половина убеждена, что результат можно улучшить в сто раз.

Дэш присвистнул.

– Поздравляю, – тепло сказала Кира, обняла Росса и чмокнула в щеку.

– Спасибо, – ответил Мецгер. – Но за это мы должны благодарить твою терапию.

Он застенчиво улыбнулся.

– Давайте смотреть правде в глаза: я не имею ни малейшего понятия, как эта штука работает. Или как ее усовершенствовать.

Кира Миллер была гениальным инженером, разработавшим генную терапию, которая на короткое время позволяла невероятно усилить человеческий интеллект. И все, чего достиг Мецгер, было сделано именно в состоянии усиленного интеллекта.

Всего восемнадцать месяцев назад Росс, как и его товарищи, вел совсем иную жизнь: майор спецназа, офицер и пилот с острым техническим умом, прекрасно подкованный в области авиации и авионики. Он наслаждался математикой и электротехникой в той же мере, в которой другие люди получают удовольствие от шахмат, и в качестве хобби про-

¹ Американский карикатурист, изобретатель и инженер. Известен серией карикатур, в которых фигурирует «машина Руба Голдберга» – сложное и громоздкое устройство, предназначенное для выполнения какой-то простой операции.

² Форт-Нокс – военная база в штате Кентукки, на территории которой расположено существующее с 1936 г. хранилище золотых запасов США.

должал изучать специальные разделы математики, электронику и даже ультрасовременную робототехнику.

Сейчас Мецгер полностью исчез с радаров и входил в ядро команды с амбициями грандиозней, чем у любой другой группы в истории человечества. Но команде катастрофически не хватало физиков.

Когда Кира узнала о хобби Росса, она заставила его встать в строй. Мецгер потратил не один месяц, читая всю доступную литературу по ядерной физике, квантовой механике и химии. Час за часом он читал тексты, по большей части совершенно ему непонятные, зная, что, когда придет время, его разогнанный разум отыщет воспоминания об этих тысячах страниц и в считанные минуты поймет все и двинется дальше. Хотя ничто не могло заменить команде усиленный разум физика мирового класса, который провел всю жизнь, овладевая знаниями этой области, Кира была убеждена: для такой частной проблемы, как холодный ядерный синтез, способностей и базовой подготовки Мецгера, в сочетании с матерью всех зубрежек, будет вполне достаточно. И теперь доказательство ее правоты возвышалось перед трицей неприглядным нагромождением оборудования.

Мецгер предложил перейти в соседний конференц-зал, чтобы Дэш рассказал о состоянии дел на новых строящихся объектах, которые уже были близки к завершению. Прежде чем двинуться следом за мужчинами, Кира в последний раз взглянула на реактор и пробежала пальцами по металлу, как сделал ее муж. Если бы не Дэвид, ей никогда не пришла бы в голову такая мысль, но, возможно, его мальчишеский импульс испытывать предметы на ощупь действительно помогал полнее оценить суть устройства. А если Мецгер действительно в состоянии улучшить реактор так, как он думал, – точнее, как думало его альтер эго с разогнанным до стратосферы интеллектом, – эта установка войдет в историю.

«Или нет», – одернула себя Кира. Пока неясно, стоит ли открывать ее миру.

Кира Миллер написала книгу, посвященную исследованию непредвиденных последствий. Она нашла способ удвоить человеческую жизнь, но последующий анализ показал: известие об этом открытии приведет мир к катастрофе. За таким радикальным увеличением продолжительности жизни последуют разрушительное перенаселение, экономический коллапс и самоуничтожение человечества. И теперь Кира настаивала на тщательнейшем, *ad nauseam*, изучении всех возможных последствий любого, даже самого потрясающего открытия до того, как оно будет отпущено на волю.

Такое изобилие дешевой энергии может питать дома, предприятия, автомобили и заводы. Оно может привести к беспрецедентному, взрывному росту мировой экономики, в одну ночь изменить лицо всей цивилизации. Но не слишком ли оно революционно? Не станет ли вызванный им «тектонический сдвиг» радикальным и разрушительным? И что станет с экономиками, основанными на нефти? А ведь большинство из них находится в самых нестабильных районах мира, в руках самых безжалостных правителей. Что они сделают, когда почувствуют, как у них из-под ног выбивают почву, а денежный океан стремительно мелеет? Развяжут войну? Применяют оружие массового уничтожения?

Если установку удастся усовершенствовать, окончательным анализом займутся члены основной группы, предварительно разогнав свой разум, но даже при таких условиях на эти вопросы будет очень нелегко ответить.

Кира быстро догнала мужа и Росса Мецгера, который вывел их из своей лаборатории, мимо утопленного в стену у самой двери сканера отпечатков, в короткий коридор. За ним располагалась еще одна лаборатория с высоким потолком, длиной примерно с половину футбольного поля. Все пространство заполняли мониторы, лазеры и разнообразные экзотические установки. Тем не менее лаборатория была настолько обширной и хорошо продуманной, что вовсе не казалась тесной.

Пройдя лабораторию, троика вошла в один из четырех конференц-залов компании. Длинный стол с полированной столешницей из вишни окружали черные крутящиеся кресла с высокими спинками. Друзья расселись и начали оживленно дискутировать.

Спустя минут двадцать их разговор прервал скрежет, донесшийся из кармана Мецгера. Майор с подозрением взглянул на свой карман и достал вибрирующий телефон.

– Прошу прощения, – сказал он. – Не ожидал никаких сообщений.

Росс несколько раз коснулся пальцем экрана и нахмурился. Дэш поднял брови.

– Проблемы?

– Наверняка какая-то ерунда, – ответил майор. – Но все равно нужно проверить. Подождите здесь. Я вернусь через пять минут.

Он пошел к выходу, но у самой двери обернулся и, ухмыляясь, повторил:

– Пять минут. Надеюсь не застать вас в какой-нибудь компрометирующей позиции.

Дэш улыбнулся и с деланным возмущением ответил:

– Да ладно, майор, разве можно так не уважать друзей? Мы уже не школьники с кипящими гормонами. Я думаю, мы в состоянии сдержаться на пять минут. – Затем он одарил Киру развратным взглядом и поднял брови. – С другой стороны, раз уж ты сам завел об этом речь...

Мецгер покачал головой и вышел, сделав вид, что собирается оставить дверь конференц-зала открытой.

Дэвид стянул Киру с кресла и крепко обнял.

– Мне всегда нравился образ мыслей Росса, – сказал он, чуть касаясь губами ее губ.

Кира прижалась к нему теснее и с мягкой страстью ответила на поцелуй. Через полминуты их губы разомкнулись и оба открыли глаза.

Они ослепли.

Они не видели ничего, даже лиц друг друга.

Весь комплекс погрузился в непроглядный мрак.

Дэш осторожно разомкнул объятия, и в этот момент с громким щелчком запустился резервный генератор. Свет вспыхнул и тут же вновь погас, вернув в комнату абсолютную тьму.

Кира мгновенно насторожилась. Электричество может отключиться случайно, но когда тут же отключается и резервное питание, о случайностях говорить уже не приходится.

– У нас неприятности, – без особой надобности прошептал Дэвид.

Он нашарил в темноте руку Киры и крепко сжал ее.

Женщина засунула свободную руку в карман и нащупала брелок для ключей – маленький диодный фонарик, красный металлический цилиндр размером с пальчиковую батарейку. Маленький, но удивительно мощный. Она отстегнула фонарик от кольца, включила и вложила в свободную руку Дэша. Тот прикрыл фонарик ладонью, чтобы они могли разглядеть открытую дверь и осторожно выглянуть наружу.

Кира вздрогнула, когда со стороны лаборатории Мецгера донеслась оружейная пальба. Сплошная тьма усиливала рефлекторную реакцию организма, и пульс Киры взлетел до небес.

Дэш не один год прослужил в спецназе, и при звуках стрельбы его разум и тело перешли в состояние повышенной боеготовности; теперь с ним могли сравниться лишь немногие. Он вел луч фонарика по дуге, осматривая оборудование лаборатории, пока не увидел опору массивной установки – высокоэнергетического лазера. Без питания установка становилась не более чем здоровенным пресс-папье, но вполне годилась в качестве укрытия. Дэш бросился к ней, практически волоча за собой Киру.

– Подожди здесь, – прошептал он. – Скоро вернусь.

– Я пойду с тобой, – шепнула она в ответ. – Ты знаешь, я могу за себя постоять.

– Знаю. Но все равно жди здесь, – твердо ответил Дэвид.

Он поспешил на звук оружейной стрельбы, забрав с собой фонарик. Кира вновь осталась в полной темноте, лишившись возможности следовать за мужем.

Она скорчилась за тяжелой стальной опорой, до предела напрягая слух. Мобильный телефон соблазнял воспользоваться им в качестве источника света, но Кира знала, что так она только выдаст свою позицию.

«Дерьмо», – рассерженно подумала женщина. Они слишком расслабились. Решили, что полностью ушли с радаров и что их хакерские навыки обеспечивают отличное прикрытие. Решили, что их изобретения – электроника и оптика, которые они использовали для передачи фальшивых изображений на уличные камеры видеонаблюдения и прочие следящие устройства, – гарантированно скроют существование группы.

После пары мучительно долгих минут абсолютной тишины Кира слышала чьи-то шаги в дальнем конце лаборатории. Дэвид? Если это не он, ее единственный шанс – сидеть как можно тише и надеяться, что ее не заметят.

В ушах стучала кровь. Невозможность разглядеть хоть что-нибудь на расстоянии пары сантиметров лишала присутствия духа на каком-то глубинном, первобытном уровне. Кире довелось побывать во многих смертельно опасных ситуациях, с очень слабыми шансами выбраться из них живой, но она не могла припомнить, когда еще чувствовала себя настолько беспомощной и напуганной, как сейчас.

Вместе с человеком по лаборатории перемещался источник слабого света. Прикрытый фонарик. Киру переполнило облегчение. Это должен быть Дэвид.

Фигура быстро двигалась в ее сторону, натываясь на небольшие препятствия. Но когда она приблизилась, Кира смутно разглядела массивные, чудовищные очертания. Это не Дэвид. Это вообще не человек.

Женщина открыла рот, давясь вздохом, и в эту минуту наконец осознала, что же она видит. Да, это был Дэвид. Но он тащил на себе, уложив на шею и плечи перпендикулярно земле – так носят пострадавших пожарные, – большое тело.

В следующую секунду Кира поняла: человек, который болтается на шее Дэша, как двухсотфунтовый шарф, – Росс Мецгер.

Он был без сознания. А возможно, и мертв.

* * *

Дэш добрался до укрытия Кире и протянул ей маленький фонарик.

– Веди нас в кабинет, – прошептал он, уверенно удерживая на плечах недвижимое тело. – Поторопись.

Кира начала пробираться между оборудованием, Дэвид шел следом.

– Как Росс? – спросила она.

– Пулевое ранение в живот. Я кое-как перевязал рану, но у него мало времени.

Не прошло и минуты, как они добрались до ряда больших кабинетов. Кира выбрала четвертый и распахнула дверь. Дэш вошел внутрь и осторожно опустил Мецгера на пол у входа. Он обыскал карманы друга, рассчитывая на спички или зажигалку, но нашел только мобильный телефон. Протянул телефон Кире и последовал за ней в глубь кабинета.

– В комплекс ворвалась большая группа коммандос, – прошептал Дэвид. – Несколько человек разбирают реактор. Росс сумел заманить остальных в свою лабораторию. В него попали, но он смог выбраться наружу и запечатать пальцем помещение.

Когда Дэш добрался туда, автономное питание приводов как раз заканчивало сдвигать стальные створки, к большому удивлению оставшихся внутри незваных гостей.

– Прежде чем Росс потерял сознание, он успел сказать, что там как минимум шесть человек, все в черном, – мрачно продолжал Дэш. – И все с приборами ночного видения. Он сказал: судя по их снаряжению и оружию, это не армия и не люди из спецопераций. Наемники высшего класса. Самые сливки.

– Наемники? Но кто их нанял? – прошептала Кира.

Дэш беспомощно покачал головой. У него не было ни одной идеи. И он не представлял, как им удалось проникнуть в здание. Они совершили буквально невозможное. Ни одна команда на такое не способна. Они ворвались в комплекс, который защищала не имеющая аналогов электронная система безопасности, – и ни один колокольчик не звякнул. Они вырубili основную и резервную энергосистемы с такой синхронностью, которой позавидовали бы швейцарские часы.

Дэш полагал, что они совершили только одну ошибку. Вероятно, один из них задел сенсорный датчик во время демонтажа реактора, и Росс получил его сигнал. А поскольку проникнуть на территорию комплекса вне рабочего времени и не потревожить систему безопасности было невозможно, Мецгер решил, что датчик просто неисправен.

Кира озабоченно посмотрела на мужа.

– Сколько они будут выбираться из лаборатории Росса? – прошептала она.

– Пять минут... Максимум десять.

– Пять-десять минут? Я видела спецификации. Это должно занять несколько часов, в лучшем случае. Ты думаешь, они настолько хороши?

– Еще лучше, – просто ответил Дэш. – Но им придется быть настороже, пока они играют в Гудини³. Мало ли, вдруг я жду их на выходе... Так что, допустим, десять-пятнадцать.

Он замолчал, обдумывая возможности. Эти люди наверняка проводили операцию по всем правилам, а значит, они оставили минимум одного человека следить за входом и еще одного – наблюдать за парковкой, причем со своими приборами ночного видения. У слепого в бою против зрячего примерно столько же шансов, сколько у голого – против танка.

Дэш понимал: его единственная надежда – сравнять условия.

Если бы у них были капсулы, абсолютное оружие в условиях чрезвычайной ситуации, дела могли бы пойти иначе. Но вся команда пришла к убеждению, что надежно спряталась. И они решили усиливать свой разум только вне этого комплекса, чтобы не провоцировать социопатические наклонности своих гениальных альтер эго.

Кира включила экраны обоих телефонов, которые держала при себе, и отдала Дэшу фонарик. Дэвид принялся рыться в ящиках стола, пока не нашел упаковку косметических салфеток. Он осторожно достал все оставшиеся, потом распахнул дверь и посветил фонариком налево и направо. Похоже, все было чисто.

– Оставайся у двери, – предупредил он Киру. – Я собираюсь поджечь это место. Огонь не даст им видеть в темноте и включит пожарную сигнализацию.

В комплексе регулярно проводились эксперименты, связанные с высокими температурами, поэтому вместо автоматических спринклеров каждая лаборатория была оборудована мощными пожарными рукавами.

– Хорошая мысль, – сказала Кира.

– Если нам повезет, они решат забрать реактор и закруглятся.

Один взгляд на встревоженное, но по-прежнему прекрасное лицо Киры подсказал Дэшу, что мысли жены несутся вскачь.

³ Гарри Гудини (наст. Эрик Вайс; 1874–1926) – знаменитый американский иллюзионист и гипнотизер, прославившийся прежде всего сложными трюками с побегами и освобождениями.

– Погоди секунду, – сказала она, трижды ткнула пальцем в экран телефона Росса и поднесла его к уху.

На звонок ответили быстро. Юный женский голос произнес в трубку:

– Девять-один-один. Какое у вас происшествие?

– Страшный пожар в здании «Эдванст Физикс Интернэшнл» на Индастриэл-паркуэй, – нервно выпалила Кира. – Срочно отправьте туда пожарные машины! И «Скорую». Здесь человек с огнестрельной раной живота. Поскорее!

И она отключилась.

Дэш восхищенно кивнул.

– Отличная работа, – сказал он, раскладывая кучку салфеток на полу рядом со столом.

У него не было спичек, но в спецназе учили обходиться тем, что под рукой. Дэвид снял крышку со своего мобильного, вытащил тонкую пластину аккумулятора и соскреб карманным ножиком пластик рядом с контактами. Потом примостил лезвие ножа, накоротко замыкая контакты, и аккумулятор брызнул снопом искр. Салфетка почти сразу начала тлеть, а через несколько секунд Дэш уговорил ее разгореться. Он осторожно подкармливал пламя рыхлой бумагой салфеток, и спустя минуту оно уже лизало деревянную боковину стола.

Наконец Дэвид подбросил в юный костерок аккумулятор и отступил к двери. Пластиковый корпус быстро растекся, высвобождая горячий литий, и пламя полыхнуло в полную силу.

Свет этого офисного костра был им на пользу, но вот жар становился ощутимым. Минут через пять в этой секции кабинетов всю разгорится пожар; языки пламени уже лизали потолок.

Дэш посветил фонариком в коридор, проверяя, что все чисто, и вновь взвалил Мецгера себе на плечи.

– Нам нужно помочь распространению огня, – сказал он Кире, свернул какую-то бумажку и поднес ее к пламени.

Когда бумага занялась, Дэвид быстро, будто не замечая тяжести безжизненного тела на своих плечах, подошел к кабинету через две двери от их укрытия и бросил самодельный факел на стопку каких-то бумаг на столе. Кира последовала его примеру и бросила свой факел в кабинет через две двери в другую сторону.

Минут пять они смотрели, как огонь перебегает из одного кабинета в другой. Пожар распространялся быстро, и с каждой минутой – все быстрее.

– Пошли, – наконец произнес Дэш и двинулся ко входу в здание.

– Мы пойдем рядом с огнем и будем держать его у себя за спиной. Приборы ночного видения им не помогут, так что за тылы можно не беспокоиться. Но будь настороже, мы не знаем, что впереди, – предупредил он.

В здании становилось все жарче; площадь пожара продолжала удваиваться едва ли не каждую минуту. Чем сильнее становился огонь, тем быстрее он разбегался во все стороны, и Дэшу с Кирой приходилось держаться все дальше от невидимой стены невыносимого жара, которая окружала бушующее пламя. Хуже того, воздух стремительно портился, и каждый вдох, казалось, приносил легким все меньше кислорода и все больше дыма и копоти. Оба начали кашлять.

Дэш принял решение. Сейчас света от пожара было достаточно, чтобы они могли отойти от стены огня намного дальше. Пришло время идти ва-банк. Он пересказал свои мысли Кире и покрыл оставшиеся до главного входа тридцать пять ярдов быстрой рысцой.

С момента начала пожара прошло примерно двенадцать минут. Дэвид с Кирой укрылись за огромной мраморной стойкой приемной, скорчившись, чтобы их никто не заметил. Дэш опустил Мецгера на пол и задумался над возможностями.

Если один-два наемника все еще следят за входом, их приборы ночного видения будут бесполезны, но враги вполне способны углядеть Дэвида и Киру традиционным способом. Иначе говоря, обе стороны сейчас видят одинаково, и наемники лишились значительного преимущества, но у них по-прежнему остается отличное оружие и превосходная тактическая позиция.

Дэш скользил взглядом по вестибюлю, просчитывая возможные подступы. Наконец он осторожно выглянул из-за стойки, задаваясь вопросом, не ждет ли его шквал оружейного огня.

И вытаращился на неожиданное зрелище. К зданию бежали пожарные, на ходу натягивая кислородные маски. В поле зрения не было ни одного вооруженного наемника. Если кто-то из них и стерег вход, сейчас он уже исчез. Напряжение вытекло из Дэша.

Он с облегченным выражением взглянул на Киру и жестом предложил ей выглянуть. Она высунулась из-за стойки и громко выдохнула. Дэвид приложил два пальца к сонной артерии Мецгера.

И его лицо исказилось от ужаса.

Мецгер не вытянул. Еще пара минут, и они дотащили бы его до машины «Скорой помощи». Но они опоздали.

Несмотря на всю закалку Дэша, этот удар потряс его. Несколько секунд он не мог вздохнуть, будто мальчишка, получивший удар в живот. Кира заметила его реакцию и все поняла. По ее щеке скатилась одинокая слезинка.

Дэвид заставил себя вынырнуть из глубин отчаяния. Они еще не выбрались. Он оплатит потерю друга в другое время. Сейчас же им с Кирой предстоит долгая ночь. Нельзя допустить, чтобы их задержали и допросили. Им нужно воспользоваться общей суматохой и ускользнуть.

Дэш поднял тело друга, чтобы его не коснулся огонь, и они с женой направились к выходу. Возможно, штурмовая группа все еще заперта в лаборатории Мецгера, вокруг которой бушует пламя. Однако Дэш был практически уверен, что они ушли.

Но кто они? Откуда получили информацию? Что было их главной целью? Дэш не имел ни малейшего понятия.

Он знал только одно: Кира и вся их группа вновь появилась на радарх. Неизвестный, но смертельно опасный и чрезвычайно способный противник поймал их буквально со спущенными штанами. И этот противник почти наверняка вновь нанесет удар.

Часть первая

Интернет-серверы мира способны заполнить небольшой город, а «К» (самый мощный в мире суперкомпьютер) потребляет энергию, которой хватит на десять тысяч домов. Невероятно эффективный мозг потребляет энергии меньше, чем самая тусклая лампочка, и прекрасно уместается в нашей голове. Геном человека, который обеспечивает рост нашего тела и направляет нас в течение долгих лет непростой жизни, требует меньше данных, чем операционная система ноутбука.

Марк Фискетти, «Компьютеры против мозгов» «Сайнтифик америкэн», ноябрь 2011 года

1

На пути к парковке Сет Розенблатт приостановился и посмотрел по сторонам. Сколько бы раз он ни посещал это место, сколько бы раз ни прогуливался мимо тихого, идиллического лесного пейзажа, он всегда благоговел и гордился своим правом быть здесь, где гиганты вставали на плечи других гигантов и проникали все дальше и дальше в непроницаемые тайны природы. В этом уединенном пристанище приветствовали и финансировали таких людей, как Альберт Эйнштейн, Джон фон Нейман, Курт Гедель, Алан Тьюринг, Роберт Оппенгеймер и Фримен Дайсон. Для физика нет земли священной.

Розенблатт насыщался атмосферой легендарного Принстонского института перспективных исследований, стараясь как можно дальше отложить встречу с арендованной машиной, поездку в аэропорт и предстоящий тяжелый перелет в Токио. Он ненавидел перелеты. Он ненавидел очереди, досмотры и тесные сиденья, оставляющие слишком мало места для его длинных ног. Он ненавидел затхлый, переработанный, обезвоженный воздух самолетов. Перелет с Восточного побережья до Японии, с остановкой в Калифорнии, казался ему бесконечным.

Он вышел на практически пустую парковку, где стояла его машина, – и тут из ниоткуда вылетел белый микроавтобус и помчался прямо на него. Розенблатт замер, ожидая, что сейчас водитель заметит его и отвернет в сторону. Он потерял несколько драгоценных секунд, прежде чем постиг непостижимое: дело не в том, что водитель случайно его не заметил; водитель прекрасно его видит и собирается сбить.

Мышцы мужчины напряглись, готовясь к рывку, но на интуитивном уровне он понял, что опоздал: он просто не успеет вовремя убраться с пути машины. Розенблатт закрыл глаза и приготовился к удару, который раздробит ему кости.

По счастью, до удара не дошло. В самую последнюю секунду микроавтобус резко повернул и с визгом шин остановился. От лица физика до боковой двери машины было меньше двух футов.

Ужас Розенблатта перетек в чистейшую ярость: как этот мерзавец посмел так его напугать?

– Какого черта ты делаешь? – закричал он. – Ты что, псих?

Он еще кричал, когда дверца микроавтобуса скользнула вбок. Картинка прорвалась сквозь туман ярости, и в голове зазвонили тревожные колокольчики. Потеряв голову, Розенблатт начал поворачиваться к проему. Он уже догадывался, что происходит.

Он не успел повернуться. Руку стиснули железной хваткой. Инстинкты физика не ошиблись – кто-то незаметно, как по волшебству, оказался за его спиной. Мужчина завернул

Розенблатту руку за спину и толкнул его в салон микроавтобуса. Едва физик влетел внутрь, как его перехватил другой мужчина.

Розенблатт все еще пытался понять, что происходит, когда ему в ногу, прямо сквозь штаны, воткнули иглу. Он старался осознать сигналы боли, идущие из бедра, но мысли путались, и к тому времени, когда до него дошло: «иголка, шприц», все тело обмякло. А потом физика укутало одеяло темноты.

– Хорошая работа, – бросил водитель своим товарищам.

С этими словами он выехал с парковки и неторопливо, будто пенсионер, который решил насладиться пейзажем, поехал по улицам Принстона.

2

Сознание вернулось к Сету Розенблатту одним толчком, но все еще тяжелые веки удалось открыть только наполовину. Он сидел за маленьким металлическим столом. Мужчина напротив, водитель микроавтобуса, держал в руках пустой шприц, которым явно только что вернул Сета к жизни. Терпеливый взгляд мужчины говорил о том, что он только рад дать своему пленнику прийти в себя и хорошенько оценить ситуацию и обстановку.

Руки Розенблатта были пристегнуты наручниками к стулу. Железный стул, привинченный к полу, стоял посреди маленького металлического сарая без окон. Такие переносные сарайчики покупают в строительных магазинах, чтобы поставить во дворе и держать там грабли и газонокосилку. Но этот сарай был чистым. Девственным. Как будто он все еще стоял в магазине.

Сет осознал, что с него сняли часы и одежду и сейчас на нем цельнокроенный серый комбинезон на молнии. Физик попытался не обращать внимания на наркотическую вялость и нарастающую панику. Ему нужно сосредоточиться. Он должен сосредоточиться.

Приток адреналина смыл остатки вялости, но Розенблатт не пытался выпрямиться на стуле и почти прикрыл глаза, выигрывая себе время.

Что происходит? Никому не придет в голову его похищать. Если только эти люди не знают... Но как? Такого не может быть. Однако уже в следующую секунду он осознал – другого объяснения этого похищения и его точности, скорости и тщательности просто не существует.

Сколько он пробыл без сознания? Наверняка не скажешь, но, похоже, не слишком долго. Кто бы ни схватил его, они торопились, и импровизированный характер помещения только подтверждал этот тезис. Но самое тревожное – они подозревали или знали, что в его одежду встроены устройства, при помощи которых он может подать сигнал бедствия. В таком случае они могут знать и другое: если Розенблатт слишком долго не будет выходить на связь, его начнут искать. И это соображение тоже подкрепляет его гипотезу: времени прошло немного, и сейчас он находится неподалеку от Института. Его схватили прямо перед долгим межконтинентальным перелетом, и в ближайшие сутки никто не рассчитывает, что он выйдет на связь. Случайность? Вряд ли.

Розенблатт ощущал странную пульсацию в ушах. У него возникло жуткое подозрение – каждое отверстие его тела, каждый его дюйм, от головы до промежности, ощупан, проверен и перепроверен. Но ради чего, знают только напавшие на него люди.

Физик старался умерить свой пульс. Никогда еще он не испытывал такого страха. Он изучал своего похитителя, единственного обитателя этого сарайчика, из-под опущенных век, краешком глаза, а мужчина по-прежнему терпеливо ждал, когда его жертва полностью придет в себя. Железную коробку освещали две садовые лампы, занесенные внутрь. Мужчина, сидевший за столом, – худощавый, спортивного телосложения, с коротко подстриженными темными волосами, – казался хладнокровным, но напряженным. На взгляд Розенблатта, ему было чуть меньше сорока.

Физик догадывался, что его шансы пережить этот день невелики. Эти люди слишком профессиональны. И они не скрывали своих лиц.

Он глубоко вздохнул и в первый раз полностью открыл глаза. Потом потряс головой, будто пытаясь привести мысли в порядок, и требовательно спросил:

– Какого черта тут происходит?

Водитель наклонил голову, но ничего не ответил.

– Слушайте, – с тревогой продолжал Розенблатт, зная, что должен делать вид, будто ни о чем не подозревает. – Вы можете получить все, что хотите. Я скажу вам пин-код своей кредитки. Все, что пожелаете... Просто отпустите меня, и я обо всем забуду, – взмолился он.

Водитель чуть заметно улыбнулся.

– Это очень щедрое предложение, доктор Розенблатт, – сказал он. – Но, боюсь, я его отклоню.

– Откуда вам известно мое имя? – спросил физик, притворяясь удивленным. – Кто вы такой?

Водитель бесстрастно изучал Розенблатта, будто разглядывал в лупу какое-то насекомое.

– Называйте меня Джейк, – наконец ответил он. – Я работаю на государство, точнее, на армию... – Он пожал плечами. – Ну, скорее, вне государства. Конгресс и президент кое-что знают о нашем существовании, но не желают узнать больше. Не могут себе позволить. Правдоподобное отрицание. Я руковожу подразделением спецопераций, ответственным за защиту нашей страны от всех видов оружия массового поражения. И поскольку речь идет о такой страшной угрозе, у меня полностью развязаны руки и я могу делать все, что понадобится.

– Оружие массового поражения? – недоуменно переспросил Розенблатт. – Вы сошли с ума? Вы совершаете чудовищную ошибку. Кого бы вы ни искали, это определенно не я.

– Тут я с вами согласен, – произнес мужчина, который называл себя Джейком. – Но вы – ключ к тем, кого я действительно ищу.

Он помолчал.

– Послушайте, доктор Розенблатт, я разумный человек. И, так уж вышло, считаю, что сами вы ни в чем не виновны, просто вляпались в серьезное дело. Поэтому, пока вы абсолютно честны со мной, мы будем добрыми друзьями... – Он развел руками. – Но если вы не станете откровенничать, все может стать намного хуже, чем вы в силах себе представить. Мы понимаем друг друга?

– Да. Вы угрожаете мне пытками.

Джейк вздохнул.

– Ничуть. Физические пытки мне и в голову не приходили. У меня в мыслях нечто намного более мерзкое. Намного. Поверьте, если вы не расскажете то, что мне нужно, то будете мечтать о пытках каждой клеточкой своего тела.

Он покачал головой, глядя с выражением искренней озабоченности.

– Пожалуйста, не заставляйте меня продолжать. В мире и так достаточно грязи.

– Это безумие. У нас есть законы, которые должны защищать людей от подобных ошибок. И не давать правительству терроризировать собственных граждан. А группы вроде вашей, которые никому не подчиняются, всякий раз злоупотребляют своей властью. Это неизбежно.

– Доктор Розенблатт, не верьте всему, что вы видите в кино. Военные подразделения вроде моего в Голливуде вечно становятся злодеями, но мы отчитываемся в своих действиях, как и любая другая государственная структура. В конце концов, должен же кто-то сторожить сторожей.

– И кто же?

– Нашу деятельность регулярно изучают другие подразделения спецопераций. Солдаты в бою решают, кому жить, а кому умереть. У них есть лицензия на убийство, и, к сожалению, иногда от их действий страдают посторонние люди. Но все действия этих солдат изучаются, и если они нарушили правила применения силы и злоупотребили властью, им предъявят обвинения. То же касается и нас. Если я нарушу ограничения, если я убью неви-

новного, который явно не попадает в категорию сопутствующего ущерба, меня будут судить и отправят в военную тюрьму... или даже казнят.

– А что происходит, когда...

– Хватит! – отрывисто прошептал спецгент; слово прозвучало негромко, но в нем зашкаливали напряжение и приказ. – Мы здесь не занимаемся обсуждением меня или оправданием моего существования. Я уже сказал вам больше, чем следовало.

Джейк снял с колена тонкий планшет. Он согнул чехол, сделав из него подставку, и поставил планшет на стол экраном к Розенблатту. Затем провел пальцем по экрану, и на нем всплыл документ. Каждую пару секунд программа сама перелистывала страницы. Все их испещряли странные разноцветные геометрические фигуры – явный плод компьютерных расчетов и сложных уравнений. Для неспециалиста все это выглядело так же понятно, как санскрит для голубя.

Спецгент, рассеянно потирая затылок, изучал своего пленника.

– Узнаете это?

Розенблатт покачал головой.

– Правда? – скептически поинтересовался Джейк, подняв брови. – Ладно, давайте я вам помогу. Мне сказали, что это потрясающий прорыв в математике и физике пространства Калаби-Яу. Я понятия не имею, что это такое. Но мои научные специалисты говорят, что это шестимерное пространство, в которое сворачиваются десять измерений теории струн. Разумеется, мне это ни о чем не говорит, но вот вы – совсем другое дело. Вы уверены, что не узнаете?

– Абсолютно.

– Интересно. Потому что этот документ взят из вашего компьютера.

Розенблатт недоверчиво вытаращился на Джейка.

– Что?

– Физик из вас намного лучше, чем актер, – разочарованно покачал головой Джейк. – Я не узнаю пространство Калаби-Яу, даже если оно укусит меня за задницу. Но три всемирно известных физика, которым мы показали этот документ, так истекали над ним слюной, что чуть не умерли от обезвоживания. Они были потрясены. Похоже, они считают, что это радикально опережает все современное понимание математики и физики в этой области. Что тут содержатся многочисленные научные прорывы. По крайней мере, в той части, которую они способны воспринять, а это лишь вершина айсберга. Мне сказали, они чувствуют себя дикарями, которые пытаются осознать математический анализ.

Спецгент наклонился к Розенблатту.

– Но что мне действительно хочется знать, профессор, так это как вам удалось достичь такого успеха, – произнес он мягким голосом, в котором пряталось бритвенно-острое лезвие напряжения и угрозы. – Я весь внимание.

– Вы действительно думаете, что это моя работа? – недоверчиво посмотрел на него Розенблатт. – Слушайте, если вы говорите, что этот документ найден на моем компьютере, мне остается только вам поверить. Но я его туда не клал. Да, я немного пробовал себя в этой области, но не более того. Вы сами говорите, что его уровень выходит за рамки возможностей лучших специалистов, а ведь я даже не принадлежу к ним.

– Ладно. Уступлю вам на секунду. Если вы не записывали этот документ на свой компьютер, тогда поделитесь, кто же это сделал.

– Понятия не имею, – пожал плечами Розенблатт, потом задумчиво прищурился. – Единственная возможность, которую я могу допустить, что речь идет о каком-то современном Рамануджане.

– Рамануджане?

– Да. Шриниваса Рамануджан. Он был гениальным математиком, вырос в Индии и практически не получил формального образования. Нежданно-негаданно отправил свои работы одному математику мирового класса, Харди. Тот сразу признал его гениальность. Вы не видели фильм «Умница Уилл Хантинг»?

Спецагент отрицательно качнул головой.

– Ладно, это не важно. Я хочу сказать, о Рамануджане никто не знал, но он был единственным в своем роде. На такое способен только парень вроде него. А что это еще может быть? Спорю, он сконструировал «червя» и отправил документ на компьютеры тысяч ученых. Уж не знаю, почему он не указал свое авторство, но, вероятно, так все и было.

Губы Джейка медленно растянулись в улыбке.

– Очень изобретательно, доктор. Вы меня впечатлили. Но боюсь, эта работа – плод разума, который не мог возникнуть естественным путем.

– Вы хоть прислушиваетесь к собственным словам? Что значит «не мог возникнуть естественным путем»?

– Вам известно, что это значит. Это значит, что такая работа требует ай-кью в несколько тысяч.

– Тысяч? – повторил Розенблатт, закатывая глаза. – Значит, люди тут ни при чем. То есть вы считаете это работой пришельцев? – весело уточнил он.

Несколько долгих секунд Джейк пристально смотрел на физика, но ничего не сказал.

– Я уверен, вы переоцениваете эту работу, – уже без улыбки настаивал физик. – Эйнштейн был низкооплачиваемым патентным служащим, когда помог совершить несколько революций в физике. Революций, которые потрясли величайшие умы того времени. Или он тоже был пришельцем? – Он покачал головой. – В науке каждый год происходят прорывы, которые кажутся превосходящими возможности человеческого интеллекта.

Джейк сцепил руки и задумчиво изучал сидящего перед ним человека.

– Разница, как вам хорошо известно, – наконец произнес он, – в том, что даже если эти прорывы кажутся выходящими за пределы человеческого разума, другие люди способны их понять. По крайней мере, какие-то люди... – Он вздохнул, затем продолжил усталым и разочарованным голосом: – Однако хватит развлечений. Мы-то оба знаем, в чем заключается правда.

Спецагент медленно потер затылок и устался в пустоту. Секунды тикали в полной тишине.

– Я вернусь через минуту, – наконец сказал он.

Когда дверь открылась, внутрь хлынул дневной свет – еще одно подтверждение того, что Розенблатт недолго пробыл без сознания. Через пару минут мужчина по имени Джейк вернулся, держа в руке две запотевшие пластиковые бутылки с водой. Он отстегнул правую руку Розенблатта, скрутил крышку с одной из бутылок и поставил ее перед высоким, жилистым физиком. Затем вновь уселся напротив своего пленника, глотнул из собственной бутылки и внимательно посмотрел на физика.

– Доктор Розенблатт, вы мне лжете, – неодобрительно начал он. – И мне это известно. Я готов позабыть о прошлом ради будущей дружбы. Но поверьте, любые действия имеют последствия. Солжете еще раз, и вас ждут страдания, которые мало кому довелось испытать.

Джейк помолчал, дожидаясь, когда его слова улягутся в голове у слушателя.

– В знак своей доброй воли я собираюсь рассказать вам одну историю. Не сомневаюсь, вы с ней уже знакомы. Однако вы сможете оценить, насколько много мне уже известно – и насколько бессмысленно пытаться уйти от ответов. Однако я не стану рассказывать все, что знаю. Вспомните об этом, когда попытаетесь в следующий раз солгать мне.

Он помолчал.

– Ладно. Это история об исключительной женщине по имени Кира Миллер.

Джейк внимательно следил за выражением лица Розенблатта, но, судя по нему, физик не узнал это имя.

– Кира была гениальным геном инженером, который отыскал способ изменить подключение собственного мозга, – примерно на час за один раз. Глотаем коктейль из генетически модифицированных вирусов, заключенных в гелевую капсулу, и... вуаля, праматерь всех цепных реакций переподключает ее мозг, и Кира получает ай-кью, который невозможно измерить.

Розенблатт недоверчиво нахмурился.

– Когда вы сказали, что расскажете историю, – спокойно произнес он, – я не думал, что речь идет о научной фантастике.

Джейк оскалился.

– Доктор, я был слишком терпелив с вами, – холодно произнес он. – Но мое терпение не бесконечно. Не стоит больше испытывать мое добродушие.

Он сделал паузу, а затем продолжил, как будто Розенблатт ничего не сказал:

– Итак, сделав это открытие, Кира Миллер убила несколько человек и исчезла из виду. Испарилась. За ней числилось много всякого дерьма, вроде сотрудничества с джихадистами ради убийства миллионов людей. В таком роде. На ее поиски отправили немало людей, но ни один из них не справился. И тогда за ней послали бывшего спецназовца по имени Дэвид Дэш. Жесткого, умного и верного своей стране. И он ее нашел. Но, несмотря на всю его верность, эта женщина каким-то образом смогла обратить его в свою веру. Мы можем только догадываться, на какие кнопки способен нажимать человек с неизмеримым ай-кью...

Джейк замолчал и приложился к бутылке, которую держал в руке. Вспомнив о стоящей перед ним бутылке, Розенблатт последовал его примеру.

– Любопытно, но каждый секретный военный компьютер содержит доклад, основанный на безупречных источниках, согласно которому все, сказанное мной, не соответствует действительности. Все доказательства и обвинения против Киры Миллер – фальшивка, а сама она в худшем случае неправильно понятый герлскаут. Ее просто подставили. И Дэша тоже. И, хуже того, они с Дэшем были убиты еще до того, как их невиновность стала очевидной.

Джейк умолк и выжидающе уставился на Розенблатта, как будто для продолжения ему требовалась правильная реакция физика.

– Но вы не считаете, что эти данные верны, – подал свою реплику Розенблатт.

Джейк еще несколько секунд разглядывал своего скованного пленника.

– Верно, – наконец произнес он. – В действительности я *знаю*, что они неверны. Кира Миллер и Дэвид Дэш по-прежнему находятся в добром здравии. Даже без ее ай-кью-коктейля они – внушительная парочка. Однако, располагая возможностью многократно усилить свой интеллект, они могут подчинить себе весь мир. Они в силах превращать в свои игрушки целые страны и правительства. Кроме того, нам известно, что они с какими-то целями завербовали избранных людей в особую группу. Большинство из них, как мы полагаем, простаки, даже не подозревающие об эндшпиле Миллер и Дэша, – в чем бы он ни заключался. Обычный человеческий интеллект не в состоянии этого предвидеть.

Джейк сделал паузу.

– Однако, при всех наших знаниях, мы не могли идентифицировать ни одного из их рекрутов, – сказал он и указал на жилистого физика. – До сих пор.

– Меня? – недоверчиво переспросил Розенблатт. – Вы к этому ведете? Вы думаете, что я как-то связан с теми людьми? Я впервые о них слышу. И об этом вашем магическом эликсире – тоже.

Джейк не обратил внимания на вспышку физика.

– Они проделали исключительную работу, когда замечали следы, – продолжил он с нотками восхищения в голосе. – А учитывая, что у них не было оснований полагать, будто кто-то считает их живыми, их труды впечатляют еще сильнее. В конце концов мы осознали: наша главная надежда – отыскать анонимные научные работы, которые настолько опережают время, что невозможны без ай-кью-стимулятора Киры Миллер. Мы взломали сотни и тысячи компьютеров, в том числе тех, которые принадлежали лучшим в своей области ученым и математикам вроде вас, и тех, за которыми работали сотрудники научно-ориентированных компаний и институтов. Мы анализировали все содержимое этих компьютеров. Мы использовали лучшие суперкомпьютеры и экспертные системы.

Джейк сделал паузу и снова поднес к губам бутылку с водой.

– Я даже близко не понимаю технологии, которые применялись для сортировки содержимого, – продолжил он, – и поиска материалов, свидетельствующих о необычайном прорыве. Но мы справились.

Он помолчал.

– По правде говоря, в основном система выдавала ложные тревоги, но ваша работа оказалась настоящей. Прорывом нечеловеческих размеров.

Джейк поднял бровь.

– Возможно, вам будет интересно узнать, что кроме вас компьютер указал еще на одного человека. Автора кусочков и обрывков работ, которые на самом деле никуда не ведут, но исключительно продвинуты. Генерального директора частной физической лаборатории под названием «Эдванст Физикс Интернэшнл» в Дэвисе, штат Калифорния.

Джейк пристально смотрел на Розенблатта, выискивая следы какой-то реакции, но физик оставался невозмутим. Во взгляде спецарента на долю секунды промелькнуло разочарование.

– Еще один ни в чем не повинный человек, которого вы собираетесь третировать? – поинтересовался Розенблатт.

– Думаю, мы оба знаем ответ, – сказал Джейк, игнорируя ядовитый выпад своего пленника. – Да, я бы с удовольствием поболтал с ним. Но он умер от пулевой раны в живот, вероятно, спугнув поджигателя, который спалил его лабораторию. Одиннадцать месяцев назад. Как вы прекрасно знаете. Когда мы попытались проследить его биографию, то уткнулись в непрошибаемую кирпичную стену. И это еще сильнее убедило нас, что он связан с Миллер и Дэшем.

Он поднял брови.

– Впрочем, это не важно. Я абсолютно уверен, что, помимо всего прочего, вы сможете поведать нам и его историю. Поможете прояснить ситуацию.

Розенблатт открыл рот, чтобы ответить, но передумал и ничего не сказал.

Джейк подался вперед и впился взглядом в своего пленника.

– Доктор Розенблатт, мы подошли к моменту истины. Мне нужно, чтобы вы рассказали мне все. Это ваш последний шанс. Следующего не будет. С этой минуты я не стану терпеть ничего, кроме сотрудничества на сто пятьдесят процентов.

– Я сотрудничаю, – возразил Розенблатт. – Вы просто взяли не того парня. Я понятия не имею, как эта работа попала в мой компьютер. Я знаю только одно – я его не создавал и туда не записывал.

Джейк нахмурился.

– Сказать, что я разочарован, значит не сказать ничего, – прорычал он.

Он сдернул планшет со стола и провел пальцем по экрану. Когда планшет вновь оказался на столе, вместо документа на экране появилась видеотрансляция. Трансляция из гостиной дома Розенблатта в Омахе, штат Небраска. На бордовом кожаном диване сидели

двое людей Джейка, обвешанных оружием. Им было скучно, но от этого они не казались менее опасными.

А на полу растянулись жена Розенблатта и трое их маленьких детей.

3

У физика перехватило дыхание, от лица отхлынула кровь.

– Что вы сделали с моей семьей? – закричал он и дернулся вперед, едва не сломав себе левую руку, все еще прикованную наручниками к стулу; казалось, Розенблатт даже не почувствовал боли.

– Я пытался предупредить вас, что не играю в игры, – прошептал спецгент. – Я пытался сказать, что вы предпочли бы пытки. – Он грустно покачал головой и сказал: – Хорошие новости в том, что с ними ничего не случилось. – Потом, помолчав, добавил: – Пока. – Достал из кармана мобильный телефон и выложил его на стол. – А как долго это останется правдой, зависит от вас.

Камера начала перемещаться по комнате, передавая изображение на планшет Джейка. Один из его людей стоял на бежевом коврике Розенблатта, перед красно-коричневыми книжными полками и роялем. Камера остановилась на семейной фотографии физика. Розенблатт, высокий и худой, с коротко стриженными выющимися каштановыми волосами, держит за руки пяти- и семилетнюю дочь. Его жена, невысокая и пухленькая, стоит за спиной у их восьмилетнего сына, Макса. Все пятеро довольно улыбаются.

Джейк поднес серебристый мобильник к губам.

– Покажите ему, что с ними все о'кей, – приказал он.

Через пару секунд на экране вновь появилась семья Розенблатта. Камера поочередно придвигалась вплотную к каждому из них и на несколько секунд замирала. На экране было видно, что все они дышат, хотя и слабо.

– Они просто без сознания, – сказал Джейк. – Мирно спят. Мы проникли в дом утром, до того как они проснулись, и ввели им усыпляющий препарат. Я стараюсь действовать как можно более гуманно. Если вы будете сотрудничать, они никогда не узнают, что случилось, даже не заподозрят, что им угрожала опасность. Никаких психологических травм на всю оставшуюся жизнь.

Его лицо окаменело.

– Но с предупреждениями покончено. В следующий раз, когда вы солжете или откажетесь сотрудничать, один из них умрет. И точка. Откажетесь сотрудничать еще раз – и умрет следующий. И так далее. Начиная с младшей...

Он сделал паузу и наклонился ближе.

– Джессика, верно?

– Ты мерзавец! – истерически заорал Розенблатт. – Ты проклятый мерзавец! Дотронься до них пальцем, и я увижу, как ты гниешь в аду!

– Вы думаете, мне хочется угрожать вашей семье? – тихо спросил Джейк. – Вы считаете, я получаю какое-то извращенное удовольствие, мучая беспомощных детей? Меньше всего на свете мне хочется этим заниматься. Но я буду делать то, что должен. Будьте уверены. И да, я наверняка буду гнить в аду, но я не могу позволить себе брезгливости. Кира Миллер – самая страшная угроза человечеству, с которой когда-либо сталкивался мир.

– Кира Миллер – величайшая надежда человечества! – выкрикнул Розенблатт.

Несколько долгих секунд в железном сарайчике стояла абсолютная тишина.

– Я рад, что вы решили признать свое участие и начать сотрудничать, – произнес Джейк.

– Вряд ли у меня есть выбор, – с горечью ответил Розенблатт, махнув рукой на планшет.

– Тем не менее я рад, что вы это признали. Пожалуйста, поймите – не важно, какую бы ложь они вам ни рассказывали, Миллер и Дэша необходимо остановить. Миллер отказалась от запланированной биотеррористической атаки, но она готовит кое-что посерьезней.

– Кира Миллер – самая умная, великодушная и сострадательная женщина из всех, кого я встречал.

– Она очень умна, это верно. Не стану отрицать. А еще она обманщица. Серийная убийца, которая производит впечатление святой. Редкостный талант.

– Не знаю, откуда вы взяли такие сведения, но это все неправда.

– Разве? Кира Миллер с самого начала была чистейшей социопаткой. Но вы знаете, что у ее терапии есть побочный эффект? Она превращает образцового гражданина в человека с манией величия. В могущественного безумца, необузданного монстра, которым вы считаете меня.

– Конечно, я знаю. Я сам применял эту терапию. Вы прекрасно понимаете, что только так я мог подготовить ту работу по пространству Калаби-Яу, которую вы нашли.

Розенблатт покачал головой.

– Но я повторяю – вы совершенно ее не знаете. Она усиливает себя – так мы это называем – намного реже, чем может. Почему? Потому что она лучше всех нас знает, что это ведет к социопатии, и боится выпустить джинна из бутылки. А знаете, почему наша группа такая маленькая? Основное ядро устанавливает высочайшую планку для новых членов. Если человека считают достойным членства, его личность и этика тщательно проверяются, причем такими методами, которые может изобрести только усиленный интеллект. И только если прогноз, причем с вероятностью почти сто процентов, показывает, что этот человек способен выдержать усиление и не превратиться в чудовище, его приглашают в группу. И только так, каким бы многообещающим он ни был. Кира осторожна до абсурда, – закончил Розенблатт.

Это было чистой правдой. Он приезжал в Институт в надежде добавить в команду математика или физика мирового класса, но его цель не увенчалась успехом. Они нашли в Институте трех ярких ученых, которые прошли первый уровень сканирования, и Розенблатт прибыл в Принстон для проведения следующих тестов, без их ведома. Все провалились. По крайней мере, по меркам Киры. Розенблатт был уверен, что ван Хаттен из Стэнфорда, которого проверяли пару недель назад, пройдет, но Кира голосовала против. Новые члены не появлялись в их группе уже несколько месяцев, и Розенблатт начинал убеждаться, что их и не будет. Опасения Киры и Дэша только возрастали. Чем чаще ядро группы проходило через усиление, тем глубже они осознавали опасность абсолютной власти и уровень ставок, по которым идет игра. И тем сильнее опасались сделать хотя бы один неверный выбор.

Им исключительно повезло с пятью членами – основателями группы: Миллер, Дэшем, Коннелли, Гриффином и Мецгером – главным советом, от которого после трагической гибели Мецгера осталось только четверо. Каждый из них до усиления был чрезвычайно стабилен, высокоморален и сострадателен. Тем не менее ни один из них не соответствовал нынешней планке. Зная об этом, они не доверяли даже усиленным себе. Они настаивали, что все члены группы, и в первую очередь – они сами, должны принимать капсулы только в специальном помещении, запираемом снаружи.

Но Джейк был прав. Один-единственный человек, сорвавшийся с цепи, одна проскочившая ошибка – и под угрозой может оказаться весь мир. Ярким примером этого был Алан, брат Киры. Если б его не удалось остановить, страшно подумать, какой ущерб он мог бы причинить.

– Она вас одурачила, – просто ответил Джейк. – Она обещала вам долголетие? Поэтому вы так ей верны?

– Я верен ей, потому что верю в то, что она делает. Она и все остальные. Вы видели, чего я способен добиться во время усиления. Всего за пять часов! Только представьте, какой прогресс мы можем предложить человечеству...

– Вы наивны. Во-первых, вся эта тема с долгожительством – фальшивка. Инъекция ничего не дает. Это просто главная приманка для доверчивых простаков. Вам известно, чем

она и Дэш занимались в течение последнего года? Они ответственны за несколько крупных терактов по всему миру. И я располагаю неопровержимыми доказательствами того, что они планируют намного худшее.

– Если они настолько неопровержимы, так покажите их мне, – недоверчиво огрызнулся Розенблатт.

– Чтобы убедиться в их истинности, вам потребуется слишком много времени. А я потеряю элемент внезапности.

– Очень удобная позиция, – заметил Розенблатт.

Джейк побагровел.

– Наш разговор подходит к концу, – процедил он сквозь сжатые зубы. – Я хочу услышать от вас, где найти Миллер и Дэша. А потом – имена всех остальных членов вашей маленькой клики.

– Я расскажу вам все, что знаю, – ответил Розенблатт.

Он бросил взгляд на экран планшета. На свою беспомощную семью и вооруженных людей, стоящих рядом.

– Но я не могу рассказать, где их найти, – с нарастающей паникой в голосе продолжил он. – Они и двое других членов главного совета намного осторожнее, чем вы можете представить. Они постоянно перемещаются и, пока не возникнет необходимость, не сообщают о своем местонахождении даже друг другу. А я – всего лишь младший член группы.

Джейк стал мрачнее тучи.

– Доктор, я вас предупреждал, – спокойно произнес он, потом что-то сказал в телефон.

На экране планшета появился один из людей Джейка. Он поднял крупнокалиберный пистолет, и на лбу младшей дочери Розенблатта высветился маленький красный кружок. Семилетняя девочка, одетая в ярко-желтую ночную рубашку, спала с безмятежностью ангелочка.

Розенблатт в ужасе затряс головой, его глаза чуть не вылезли из орбит. Он любил свою маленькую красавицу, как никого другого; ее жизнерадостная натура заражала своим настроением всех, кто оказывался рядом. Во рту стало горько.

– Доктор Розенблатт, у вас есть тридцать секунд, чтобы сказать мне, как найти Киру Миллер. И не пытайтесь купить время, назвав выдуманное место. Если Миллер не окажется в названном месте, я уничтожу не только вашу дочь. И я чертовски надеюсь, что вы мне верите.

Розенблатт заставил себя отвернуться от планшета и подумать. Неужели они и вправду хладнокровно убьют семилетнюю девочку? В такое нельзя поверить. Но как он может рисковать?

А может ли он отвернуться от Киры Миллер? Он знает, к чему стремится она и ее группа. Знает, *что* поставлено на кон ради всего человечества, включая долгожительство для миллиардов и, возможно, бессмертие уже в следующем поколении. Джейк заявлял, что все это – ложь, но физик сам видел доказательства. И точно так же знал, что сфабрикованы и остальные обвинения Джейка. Кто-то подставил Дэша, Миллер и всю группу. Розенблатт не знал, кто именно, но не сомневался – так оно и было.

Кира Миллер – ключевая фигура на пути невероятных улучшений жизни людей. Она ключ к следующему шагу эволюции человека – направленной эволюции. Она предвестник разума, охватывающего галактику или даже всю Вселенную. Розенблатт сам переживал усиление и прекрасно знал о его опасностях, но еще лучше понимал его потрясающий потенциал.

Ставки слишком высоки, и он не может предать Киру. Но он должен защитить свою дочь. Ради нее он готов пожертвовать целой Вселенной...

Впрочем, нужно ли это? Джейк блефует. Иначе и быть не может. Он сомневается, что Розенблатт говорит правду. Это просто проверка. Если Розенблатт будет упорно стоять на своем даже перед лицом невероятной угрозы, Джейку придется поверить. Ни один отец не солжет, когда опасность угрожает его ребенку.

– Доктор Розенблатт, я жду. У вас осталось десять секунд.

По лицу физика потекли слезы.

– Я действительно не знаю, – в страхе выкрикнул он. – Честное слово. Если бы знал, я уже сказал бы вам. Господи, я бы вам сказал... Я что угодно сделаю. Пожалуйста, не надо!

Розенблатт уже не балансировал на грани истерики, он перешел эту грань. Он поставил жизнь дочери на то, что сможет убедить Джейка, и сейчас ужасная перспектива потерять ребенка превратилась в худшую: если расчет неверен, именно на него ляжет ответственность за смерть дочери.

– Миллер и Дэш – безумные параноики, – лепетал физик. – Я расскажу вам все, что хотите. Но я не могу рассказать того, чего не знаю.

Слезы мешали видеть, но Розенблатт заметил обеспокоенное выражение лица Джейка. В чем дело? Он убедился, что физик не знает, как найти Киру? Разве он мог не поверить? Ни один отец не станет в таких обстоятельствах упираться и скрывать информацию. Вот что требовалось Джейку. Он угрожал самым страшным, чтобы получить гарантию, – Розенблатт расскажет ему все, что знает, во всех подробностях. И вот теперь он убедился.

Джейк шепнул в телефон. На экране планшета было хорошо видно, как мужчина, который целился в голову дочери физика, нажал на спуск. Маленькая головка Джессики разлетелась, как дыня, упавшая с небоскреба. Во все стороны брызнули кровь и мозг, оседая на телах семьи Розенблатта.

– Нееет! – закричал физик, почти теряя сознание, разум не мог справиться с таким ударом. – Нееет!

– Нам перейти к следующей дочери, или вы все-таки вспомните, где мне отыскать Дэвида Дэша и Киру Миллер?

Лицо физика – по его щекам по-прежнему текли слезы – исказилось в гримасе чистой, всеобъемлющей ненависти, но только на мгновение. Он был слишком потрясен, чтобы сосредоточиться на каком-то чувстве, кроме глубокой вины и бездонной скорби.

– Я скажу, что вы хотите, – попытка выговорить Розенблатт сквозь всхлипывания и дрожь.

Джейк кивнул.

– Хорошо, – сказал он, легко догадавшись, что бормочет физик. – Но сначала вам нужно прийти в себя. Я вернусь через пять минут.

Джейк, не оглядываясь, вышел из стального сарая. За его спиной остался сидеть сломленный человек, который рыдал и размазывал по лицу слезы свободной рукой.

* * *

Едва дверь сарая захлопнулась, Джейк прислонился к стволу ближайшего клена. Его трясло. Он изо всех сил старался сдержать подступающие слезы.

Спецагент прикрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Наконец, в какой-то степени овладев своими эмоциями, он оторвался от дерева и прошел двадцать ярдов до припаркованного белого микроавтобуса. Один из его людей наблюдал за окрестностями, но они выбрали едва ли не самое уединенное место во всем Принстоне, и никто не ждал появления случайных прохожих.

Джейк открыл дверцу микроавтобуса и скользнул внутрь. Его заместитель, майор Джон Колк, который следил в монитор за допросом, сидел внутри вместе с лейтенантом.

Джейк, со все еще влажными глазами, обернулся к лейтенанту.

– Пожалуйста, простите нас, – едва выговорил он. – Мне нужно остаться вдвоем с майором.

Едва лейтенант вылез, майор встретился взглядом со своим командиром.

– Сэр, вы в порядке? – мягко и озабоченно спросил он.

Джейк не ответил. Он казался тяжело больным.

– Чем Кира Миллер держит этих людей? – прошептал он, с ужасом глядя на майора. – Почему он был готов рискнуть жизнью дочери?

Колк серьезно покачал головой, но промолчал.

– Я больше не могу этим заниматься, – прошептал Джейк, к его глазам вновь подступили слезы. – Я бывал под вражеским огнем, почти без шансов выжить, и никогда не жаловался. Но нельзя требовать от человека того, что я делаю сейчас.

– Полковник, я знаю, сцена была невероятно реалистичной. И вы всегда на тысячу процентов погружаетесь в образ действий. Но сейчас вы ушли слишком глубоко. Вернитесь назад. Вы же знаете, это только спецэффекты. Прямо сейчас девочка, скорее всего, сидит на занятиях и возится с книжкой-раскраской.

Джейк покачал головой.

– Я знаю. Но я сломал его дух, и это уже не спецэффекты. Я устроил ему пытку, которая намного хуже вырванных ногтей. Это за гранью жестокости.

Джейк отвернулся.

– Если бы ты видел его лицо, – произнес он и вздрогнул. – У меня самого маленькая дочь. Я даже не могу себе представить...

Спецагент опустил взгляд и снова попытался взять себя в руки.

– Вам пришлось, раз уж он до конца держался своего блефа, – сказал Колк. – И теперь вы знаете. Он блефовал. Но самое главное – в ближайшие сутки мы сможем уничтожить самого опасного человека на планете. Вы спасете миллионы жизней.

Джейк кивнул, но лучше ему явно не стало.

– Полковник, вы просто в очередной раз доказали, что являетесь самым подходящим для этого дела человеком, – продолжал Колк. – Это было испытанием не только для Розенблатта. Если убийство одной невинной девочки ради спасения миллионов – а тем более иллюзия убийства – разъедает вам душу, вы правильный человек. А вот если бы вы сделали что-то подобное и спокойно пошли дальше, вас и близко не следовало бы подпускать к нашей работе и той власти, которую она дает.

Джейк отвернулся, на целую минуту уйдя в свои мысли. Наконец он глубоко вздохнул, похлопал по руке своего заместителя и сказал:

– Спасибо, Джон. Это помогает.

В действительности помощи было не так уж много, но пока и этого хватит. Ему нужно заняться делом.

– Теперь, когда вы раскололи Розенблатта, – сказал Колк, – вы все еще хотите держать четырех человек рядом с его семьей?

– Нет. Это перебор. Отзови Переса и Фергюсона. Скажи оставшимся, что мы не ждем неприятностей, но пусть следят в оба. В случае чего подкрепления у них не будет. И если произойдет что-то подозрительное, пусть не раздумывая используют спутники.

– Я передам им.

Джейк кивнул и повернулся к маленькому монитору. Розенблатт выплакался до доньшка. Сейчас он опустил голову на стол и тихонько всхлипывал.

– Он сломан, – сказал Джейк. – Но думаю, он уже дошел до точки, когда сможет внятно объясняться. Мне лучше вернуться и получить нужные нам сведения.

– А какой план после этого?

– Он – просто пешка. Как только мы ликвидируем Миллер и запрем Дэша и остальных из внутреннего совета, нам просто нужно будет удостовериться, что никто из мелких игроков не имеет доступа к ее препарату. Миллер – единственная, кто способен создать его с нуля. С ее смертью угроза исчезнет. Мы поддержим Розенблатта, пока не решим вопрос с Миллер, а потом отпустим его и всех прочих жить собственной жизнью дальше. Можем пару лет поддержать их под наблюдением, на всякий случай...

Вылезая из микроавтобуса, спецгент снова обернулся к Колку.

– Мне бы очень хотелось сказать ему правду, как только он сдаст нам Миллер. Сказать, что с его дочкой все хорошо. Что это просто компьютерные спецэффекты... – Он вздохнул. – Но я не могу, конечно. До тех пор, пока мы не возьмем Миллер. На случай, если нам потребуется надавить на него.

Лицо Джейка искривилось в болезненной гримасе.

– Полковник, помните, сколько вы спасете людей, – повторил Колк. – Вы нужны нашей стране.

– Ага, – с отвращением произнес Джейк. – Я – гребаный герой.

Он двинулся прочь от микроавтобуса. Дверца за его спиной бесшумно скользнула на место. Когда Джейк подошел к сарайчику, он глубоко вздохнул, взял себя в руки, придал лицу непреклонное выражение и открыл дверь.

«Где же ты, Кира Миллер?»

Через пару секунд он наконец-то это узнает.

4

Доктор Антон ван Хаттен, штатный профессор факультета прикладной математики и теоретической физики в Стэнфорде, легко шагнул на крутой эскалатор и встал справа на рифленых металлических ступеньках, пропуская тех, кто торопится спуститься. У ван Хаттена было широкое лицо херувима, тонкие волосы, которые уже начинали седеть, а на носу – очки в черной оправе а-ля Гарри Поттер, которые контрастировали с волосами и светлой кожей. Несколько мужчин и одна женщина, сформировав грубый полукруг футах в пятнадцати от подножия эскалатора, держали в руках таблички с разными фамилиями. Ван Хаттен подошел к одному из них, мужчине в светло-коричневых брюках и трикотажной оксфордской рубашке, от которого веяло уверенностью и компетентностью.

– Доктор ван Хаттен? – спросил мужчина, когда физик подошел к нему, и опустил табличку с фамилией.

Профессор кивнул.

– Добро пожаловать в Денвер. У вас есть багаж?

Ван Хаттен покачал головой.

– Боюсь, я привез только себя.

Водитель кивнул и жестом предложил следовать за ним. Ван Хаттен знал, что они направляются к машине, которая отвезет его в несколько загадочный Центр совершенствования научных исследований, или ЦСНИ, расположенный неподалеку научно-исследовательский центр.

Две недели назад ван Хаттену позвонила женщина. Она представилась как Девон, не назвав фамилию. Она связана с ЦСНИ, научно-исследовательским центром в Денвере, пояснила женщина, и хочет пригласить профессора в качестве консультанта. Сможет ли он через две недели уделить центру один день?

Ван Хаттен сказал, что сомневается. В предложенный день у него назначено несколько важных встреч, с утра и после полудня.

Но Девон заверила, что они будут рады, если он сможет пробыть у них с пяти до девяти часов вечера. Хотя в обычном случае они попросили бы его лететь коммерческим рейсом, сейчас они запланируют чартер, чтобы он смог вернуться домой тем же вечером. И когда она упомянула оплату – тысяча долларов в час, – ван Хаттен быстро решил, что это отличное предложение.

Тысяча долларов в час.

И если он сможет провести у них день и вечер, они гарантируют минимум десять тысяч долларов.

Машина заберет его из дома и отвезет в аэропорт к рейсу в Международный Денверский. Они просят только подписать жесткое соглашение о неразглашении, включающее пункт, согласно которому он не должен раскрывать предложенную сумму.

Ван Хаттен сомневался, стоит ли во все это верить, но на следующий день он получил экспресс-пакет с авансом в пять тысяч.

Интеллектуальное вознаграждение привлекало ученого намного больше, чем материальное, но десять тысяч за день – это десять тысяч за день. И, кроме того, он был заинтригован. Что они могут захотеть от него за такие деньги? Он не скрывал своих исследований. Если им нужен доступ к его работам, им достаточно прочитать его научные статьи в нескольких журналах.

Ван Хаттен попытался выяснить у женщины, о консультациях какого рода идет речь, но она заверила, что никакой подготовки от него не требуется и что им нужен именно он.

Когда ученый заинтересовался адресом центра, его попросили не беспокоиться: водитель встретит его в аэропорту и с комфортом доставит на место.

Быстрый поиск в Интернете выдал очень профессионально сделанный сайт, где говорилось о миссии научно-исследовательского центра – расширить границы человеческих знаний – и больших целевых фондах, полученных от анонимных дарителей. Помимо этого сайта, Интернет не содержал ни одной ссылки на ЦСНИ. Трудно представить себе научно-исследовательский центр с таким качественным сайтом и кучей денег, который нигде не упомянут. Захоти ван Хаттен отыскать фамилию мальчишки, который пакует его покупки в магазине, «Гугл» и то наверняка выдаст с десятков ссылок. Вдобавок на сайте отсутствовала страничка «Контакты», равно как и адрес центра.

Все страньше и страньше.

Он подумал, не отказаться ли, но решил, что это слишком. Если научно-исследовательский центр, поддерживаемый анонимными дарителями, желает не высовываться, никакого преступления в этом нет. Такое поведение можно объяснить множеством вполне законных причин.

Мысли ван Хаттена вернулись к настоящему, в котором водитель вел его по переполненной парковке. Мужчина остановился у серебристого микроавтобуса. У машины не было боковых или задних окон, а на боках отсутствовали какие-либо надписи. Ван Хаттен не удивился бы, увидев логотип Центра или надпись «Центр совершенствования научных исследований», но, похоже, эти люди и здесь предпочли не высовываться. По крайней мере, они последовательны.

Водитель открыл боковую дверь.

– Вам помочь, сэр? – спросил он.

Ван Хаттен замешкался. Ему хотелось видеть, куда он едет, а салон этого микроавтобуса явно не предусматривал такой возможности. Он уже открыл рот, собираясь спросить, нельзя ли сесть на переднее пассажирское сиденье, но заметил, что место занято – пол и сиденье справа от водителя занимали несколько компьютерных мониторов. Ученый нахмурился.

– Спасибо, я справлюсь. Я еще не настолько стар, – сказал он с натянутой улыбкой и залез внутрь.

Салон микроавтобуса по роскоши и элегантности ничуть не уступал лимузину, разве что был заметно просторнее. Поездка оказалась гладкой и практически бесшумной. Через полчаса микроавтобус заехал на небольшую подземную парковку, и водитель подвел ван Хаттена к двери в недавно построенное и очень современно выглядящее офисное здание.

Внутри физика встретили трое. Первым был человек-медведь, который башней возвышался над своими товарищами. Мужчина с длинными волосами и густой каштановой бородой весил, должно быть, три сотни фунтов, хотя об ожирении речь не шла.

– Мэтт Гриффин, – представился он, протягивая огромную лапищу, которая без труда могла расплющить ладонь ученого, однако рукопожатие оказалось мягким и осторожным.

– Знакомство с вами – большая честь и привилегия, сэр, – добавил человек-гора с произношением профессора Гарварда.

– Благодарю вас, – ответил ван Хаттен.

Следующим руку протянул мужчина, стоящий рядом с Гриффином. Он был старше остальных. Резковатые черты лица, аккуратно подстриженные волосы и усы и характерная военная выправка, совсем как у водителя.

– Джим Коннелли, – произнес мужчина, когда они пожали друг другу руки. – Добро пожаловать в наш комплекс.

– Очень рад.

Только сейчас ван Хаттен обратил внимание на единственную в группе женщину, до сих пор полускрытую великаном Мэттом Гриффином, и у него перехватило дыхание. Эта женщина ошеломляла. Она одарила ученого ослепительной и искренней улыбкой, которая только усилила ее привлекательность. Женщина просто стояла, но сила ее личности излучала сияние, притягивала как магнит. Глаза ван Хаттена немедленно решили, что на таком прекрасном зрелище стоит задержаться, и уговорить их перевести взгляд будет непросто.

– Доктор ван Хаттен, спасибо за приезд, – произнесла женщина и протянула руку, тонкую, но сильную.

– Прошу вас... всех вас... Антона вполне достаточно.

– Тогда Антон, – ответила за всех женщина. – Добро пожаловать в Центр совершенствования научных исследований. Полагаю, вы узнаете мой голос.

– Да. Вы разговаривали со мной по телефону. Девон, как я понимаю.

Она чуть поморщилась, одновременно лукаво и виновато.

– В общем, да. Но я должна сказать, что ввела вас в заблуждение. На случай, если вы не заинтересуетесь, я решила назваться Девон. Прошу прощения. Но сейчас уже не время для уловок. Меня зовут Кира. Кира Миллер.

Ван Хаттен и раньше подозревал – тут что-то нечисто, и это откровение только усилило его подозрения. Ему почти захотелось прямо сейчас вернуться домой, но какое-то чувство подсказывало: он уже прошел точку невозврата. А у этой женщины, которая только что с легкостью призналась в обмане, было такое открытое и искреннее выражение лица, она так явно радовалась встрече с ним, что он, как ни странно, почувствовал себя непринужденно.

Взгляд ван Хаттена не отрывался от лица женщины, пока ученый не ощутил мягкий толчок сзади. Мужчина, который привез его сюда, никуда не делся и сейчас протягивал руку.

– Я тоже часть ЦСНИ, – сказал он. – Я решил подождать, пока вы не встретитесь с остальными, а уже потом представиться должным образом.

Ван Хаттен пожал протянутую руку. Он сразу заподозрил, что в этом человеке скрыто больше, чем видно глазу.

– Дэвид Дэш, – назвал себя мужчина.

– Рад познакомиться с вами, Дэвид.

Мэтт Гриффин едва сдерживал возбуждение.

– Вам, несомненно, интересно, зачем вы здесь, – сказал он.

Ван Хаттен подавил улыбку. По какой-то причине ему захотелось сказать в ответ «несомненно», но он сдержался.

– Разумеется, – ответил он.

– Хорошо. Мы прямо сейчас к этому перейдем, – заявил Гриффин, ведя ван Хаттена и остальных к конференц-залу в глубине здания.

Кира Миллер, идущая рядом с физиком, заметила:

– На всякий случай хочу предупредить вас. То, о чем мы будем вам рассказывать, может показаться несколько невероятным. Мы готовы встретиться с вашим скептицизмом. Мы просим только отнестись ко всему непредвзято и дать шанс убедить вас.

Неприятное ощущение кольнуло ван Хаттена с удвоенной силой.

– Я внимательнейшим образом вас выслушаю, – ответил он.

Он понятия не имел, во что ввязывается, но если в самом худшем случае они окажутся каким-то квазинаучным культом – церковью квантового космологического духа или аналогичным бредом, – он готов подыграть им. До тех пор, пока не уберется подальше.

– Вы меня заинтриговали, – сказал он, на всякий случай решив начать подыгрывать прямо сейчас. – Похоже, сегодняшний день может оказаться интереснее, чем я думал.

Кира только взглянула на него, но не ответила. Зато приветливый великан, который возвышался над ней, радостно подхватил разговор.

– Вы не представляете, насколько, – произнес он, подняв брови. – Вы просто не представляете.

5

Полковник Моррис «Джейк» Джейкобсон вылез из F14 «Томкэт», который подбросил его до авиабазы Петерсон в Колорадо-Спрингс. Полковника ждала машина; из нее он пересел в стоящий неподалеку гражданский вертолет. Посадка такой «вертушки» в Денвере, на улице или в поле, привлечет больше внимания, чем хочется, но к военному вертолету внимания будет несравненно больше. В чистом ночном небе сияли мириады звезд, но звезды сейчас меньше всего занимали мысли Джейка.

– Капитан, доложите оперативную обстановку, – сказал он в мобильный телефон.

– Полковник, стеклянное здание обнаружено именно там, где он указал, – ответил капитан спецназа, который уже какое-то время пребывал на месте. – Склад восемьдесят ярдов к востоку, тоже подтверждено. Наши группы окружили оба здания, дистанция сто ярдов. Мы прибыли на гражданских машинах и развернулись на позициях с соблюдением максимальной скрытности. По периметру окопались двадцать четыре человека, в том числе четыре снайпера. Это промзона, освещение плохое, рабочий день давно закончился. Мы практически уверены, что поблизости нет ни одного человека.

– Вы можете подтвердить, что Кира Миллер и Дэвид Дэш находятся в этом здании?

– Да, сэр. Видел обоих собственными глазами. Полностью соответствуют полученным от вас фотографиям. Всегда есть шанс, что они подсунули нам приманку, изменили чью-то внешность или подобрали двойника. Но если и так, то они проделали мастерскую работу.

Джейк задумался. Хотя эта пара вполне способна на мастерскую работу, в данном случае шанс, что они не те, кем выглядят, равен нулю. Он сломал Розенблатта, тут сомнений нет. Физик рассказал Джейку об этом месте семь часов назад. Во время рассказа он то и дело начинал рыдать и умолял полковника не трогать оставшихся детей.

Сцена была душераздирающей, но Розенблатт, находясь в таком состоянии, был просто не способен обманывать. Если бы капитан увидел только одного, Джейк мог бы допустить вероятность ошибочного опознания. Но Дэш и Миллер вместе вошли в здание, а Розенблатт настаивал, что именно здесь располагается их главный рабочий офис. Какие еще подтверждения требуются?

– Вы уверены, что после их появления никто не выходил?

– Подтверждаю. Они все еще в центре стеклянного здания. Исходя из планировки, – возможно, на кухне, но мы считаем, это конференц-зал. Мы уже несколько часов получаем тепловые следы пяти человек.

Джейк мысленно перебрал, что он мог упустить, но ничего не придумал.

«Я их получил», – с триумфом подумал он, но трезвая часть его личности почти сразу принялась сдерживать энтузиазм. Им уже доводилось попадать в безнадежные ситуации и ускользать из них. Самоуверенность сейчас недопустима.

– Спасибо, капитан Руис. Я прилетаю гражданской «вертушкой», расчетное время – двадцать минут. Мы сядем в укромном месте, в трех милях отсюда, чтобы их не вспугнул шум винтов.

– В трех милях, полковник? Гражданские вертолеты тише военных.

Руис был прав, но его не поставили в известность, с чем именно им придется иметь дело. Кто знает, какие технологии прячут в рукаве Дэш и Миллер? Кто знает, какие автоматизированные следящие устройства они могли изобрести, чтобы вынюхивать подлетающие вертолеты? Члены группы усиливали свой интеллект до уровня, по сравнению с которым гениальные ученые казались не умнее гориллы. И чем больше Джейк думал о возможностях этой группы, тем сильнее нервничал.

– Так и есть, капитан, но я бы хотел, чтобы вы обратились к команде. Во время этой операции следует допускать, что возможности и навыки противника значительно выше, чем у нас.

– Вас понял, сэр.

Джейк глубоко вздохнул. Пора. Ему нужно принять несколько важных решений, и принять быстро. Текущая тактическая ситуация близка к идеальной. Но если Миллер и прочие войдут в туннель, ведущий на склад, ситуация станет намного сложнее и неопределеннее.

Любыми средствами, поклялся себе Джейк, он добьется, чтобы на этот раз Миллер и Дэш не ускользнули.

6

Ван Хаттен и четверо его спутников вошли в конференц-зал, большой, светлый и наполненный жизнью. Кира любила растения и считала, что они хороши как для человеческой души, так и для атмосферы помещений, и потому в комплексе растений было больше, чем во многих садах. В этом конференц-зале обитали три китайские веерные пальмы, каждая высотой под потолок, и два фикуса «амстель кинг брейд», все в круглых, серебристых стогаллонных контейнерах, которые отлично подходили к дизайну зала – современной простоте.

Четверо мужчин и одна женщина расселись вокруг огромного стола в форме гигантской доски для серфинга, указывающей на пятидесятидюймовый монитор на стене.

Кира изучала ван Хаттена с плохо скрытым энтузиазмом. Физик такого калибра, прошедший все тесты, потенциально имеет колоссальное значение для их проекта. Они сказали Сету Розенблатту, что ван Хаттен не подходит, но это было частью плана по секционированию информации, особенно личной, при каждой возможности. Чего Розенблатт не знает, то не повредит ему. Или другим.

– Антон, – начала Кира. – Ваш приезд – большая честь для всех нас. Но я предпочту сразу перейти к делу. И вновь попрошу вас о терпении и непредвзятости. Я обещаю, что все, сказанное нами, абсолютно верно. И мы сможем вам это доказать.

Ван Хаттен заметно напрягся и почувствовал себя неудобно, но ничего не сказал, только кивнул.

Кира всегда принадлежала к людям, которые предпочитают одним махом сорвать пластырь.

– Я молекулярный биолог, – сказала она. – Несколько лет назад я разработала препарат для генной терапии. Этот препарат примерно на час за один прием увеличивает человеческий интеллект... ну, иначе тут не скажешь: до неизмеримого уровня.

Ван Хаттен несколько раз моргнул, будто не очень понимал, что означают эти слова. Потом недоуменно посмотрел на Киру.

– Неизмеримого уровня? – повторил он, будто плохо расслышал ее слова.

– Именно так, – кивнула Миллер.

Ван Хаттен изо всех сил старался сохранить невозмутимость, но все же, пусть едва заметно, недоверчиво усмехнулся. Он взглянул на троих мужчин, сидящих за столом, будто ища в их лицах подтверждение своим мыслям – все это какая-то хитрая шутка, его просто поддразнивают. Кира могла только догадываться, о чем он сейчас думает. Не считает ли он происходящее каким-то обрядом инициации? Не испытывают ли его, чтобы посмотреть на реакцию? Скорее всего, решила Кира, он считает, что оказался в компании опасных и неадекватных фанатиков.

– Человеческий мозг имеет практически неограниченный потенциал, – продолжила она. – Но он больше нацелен на выживание, чем на развитие чистого интеллекта. Ученые-аутисты приоткрывают нам окошко в возможности мозга. Есть ученые-аутисты, которые способны запомнить весь телефонный справочник, прочитав его всего один раз, или перемножать десятизначные числа быстрее калькулятора. Что, если вы сможете раскрыть потенциал мозга еще полнее, причем во всех областях мышления и творчества?

Ван Хаттен прищурился, обдумывая эти слова. Затем немного склонил голову – и абсолютный скепсис начал медленно уступать заинтересованности.

– Продолжайте, – произнес он.

Коннелли и Дэш извинились и вышли из комнаты, а Кира продолжила объяснения. Она описала свои эксперименты на животных, а потом – превращение себя в подопытную

морскую свинку. Описала колоссальную пластичность человеческого мозга, допускающую десятикратный диапазон интеллекта, ай-кью от 25 до 200 с лишним, причем без всякой оптимизации потенциала его основы – бесконечного числа нейронных связей. Пояснила, как ей удалось разработать коктейль из модифицированных вирусов, заключенный в капсулу. Как эта капсула доставляет свою полезную нагрузку, которая за несколько минут переподключает мозг – вызывает цепную реакцию и выстраивает нейроны в том порядке, который недосягаем естественной эволюции. И объяснила, что ее рассказ преследует одну цель – они хотят привлечь физика на свою сторону, о которой позднее расскажут подробно.

Где-то в середине рассказа ван Хаттен начал комментировать и задавать вопросы, по-видимому, не в силах подавить интерес к дискуссии.

Наконец Кира представила видеоматериалы с ранних экспериментов на крысах. Лабораторные крысы, серые и с розовыми ушками Микки-Мауса, были симпатичными и мало походили на диких крыс, столь любимых фильмами ужасов. На видео грызуны изучали классический водяной лабиринт, испуганно плавая в своего рода ванне с водой молочного цвета, пока не находили секцию с утопленной в воду твердой платформой. Казалось, что крысы, хоть и умеют плавать с рождения, в любую секунду могут утонуть. Им требовалось множество попыток, прежде чем они стали разыскивать платформу в правильной секции лабиринта.

На следующем видео была крыса, не имевшая опыта преодоления лабиринта: ее только что доставили в лабораторию. Крысе ввели вирусный коктейль Кира и через двадцать минут посадили в клетку, из которой открывался вид на водный лабиринт. Оттуда она наблюдала, как ее братец, не получивший препарат, крутится в воде, пока наконец случайно не нащупывает платформу.

Как только крысу с усиленным разумом выпустили в воду из клетки, она стрелой помчалась к платформе.

Кира отметила, как была потрясена, впервые пронаблюдав такое поведение. Крыса поняла, как пройти тест, просто смотря на своего собрата. Всего за один раз. Это был неслыханный результат.

Примерно на середине видео вернулись Дэш и Коннелли. Они принесли воду, безалкогольные напитки, поднос с горкой кусков жареной курицы и сэндвичами с курицей и тунцом, которые наверняка были приготовлены заранее и упрятаны в холодильник. К тому времени, когда запись закончилась, а Кира завершила свой рассказ, мужчины уже поели.

Кира нажала кнопку на маленьком черном пульте, и экран погас. Она посмотрела на ван Хаттена. Тот был погружен в свои мысли. По его вопросам и реакции Кира чувствовала, что физику хочется поверить, но ее утверждения слишком фантастичны, слишком дерзки, и он никак не может избавиться от остатков скепсиса. Она уже сталкивалась с такой реакцией.

– Все мы понимаем – то, о чем я рассказывала, вполне может оказаться искусным розыгрышем, – сказала Кира. – И видеозапись с крысой может быть поддельной.

Она сделала паузу.

– Я могла бы продолжить и продемонстрировать вам открытия и изобретения, которые явно выходят за рамки современного состояния науки и техники. Мы уже поступали так в аналогичных ситуациях, но результат оказался неоднозначным. Некоторые люди, Антон, побывав на вашем месте, верили нам и отбрасывали сомнения, но другие сохраняли свой скептицизм. Стоит один раз увидеть пару трюков из волшебных шоу Вегаса, и вы решите, что все можно подделать. Изобретения, видеозаписи, что угодно...

Ван Хаттен позволил себе слабо улыбнуться.

– Справедливо. По крайней мере, я убедился, что вы – молекулярный биолог. Ваши познания в генной инженерии и работе мозга впечатляют. И, должен признать, ваши рассуждения превращают невозможное в почти реальное.

Он сделал паузу.

– Но вы правы. Я все еще не могу избавиться от мысли, что все увиденное – некий волшебный трюк, хотя и великолепно исполненный.

На несколько секунд в комнате воцарилось молчание. Кира взяла с подноса сэндвич с ростбифом и, поймав взгляд Гриффина, незаметно кивнула ему. Ее часть представления была закончена. Дэш давным-давно настоял, чтобы она не участвовала в последующей дискуссии, которая часто принимала нелицеприятный характер. И дело вовсе не в том, что она женщина, а остальные – мужчины. Просто все единодушно признавали ее лидером группы и считали, что ей следует оставаться над схваткой.

Великан выдохнул.

– Есть только один способ доказать нашу правоту на пресловутые сто десять процентов, – заявил он. – Примите капсулу и убедитесь сами.

Он помолчал, давая ван Хаттену время переварить эту мысль.

– Могу обещать, что эффекты не опасны. И длятся они не более часа. После вы почувствуете сильный голод, но мы обеспечим вас едой с высоким гликемическим индексом.

Гриффин улыбнулся.

– Для тех из нас, кто во времена колледжа немного экспериментировал с травкой, – добавил он, – это состояние известно как «пробив на хавку».

Дэш встретился взглядом с ван Хаттенем.

– Вы хотите попробовать? – спросил он.

Физик снял очки, протер глаза и водрузил очки на место.

– А если нет? – наконец произнес он.

– Мы отнесемся к этому с уважением, – ответил Дэш. – Мне самому не хотелось. Все равно что подталкивать вас принять ЛСД. Мы говорим, что препарат безвреден и не имеет побочных эффектов, но его прием все равно требует безоговорочно довериться нам. Вдобавок он изменяет мышление. Невозможно винить вас за нежелание попробовать.

– Значит, вы не против, если я откажусь?

Дэш поморщился.

– По правде говоря, против, – сказал он. – Боюсь, нам придется настоять. Мы понимаем, что такое принуждение совершенно неэтично. Мы пытаемся сделать хорошую мину, говоря «цель оправдывает средства», но отлично знаем, что этот аргумент – последнее прибежище некомпетентности. Однако точно так же я знаю, что, когда все закончится, вы будете нам благодарны.

– Благодарен за то, что вы меня вынудили?

Дэш кивнул.

– В отличие от вас, мы точно знаем об отсутствии побочных эффектов препарата, – сказал он и наклонил голову. – Предположим, вы столкнулись с представителем первобытной культуры, который умирает от бактериальной инфекции, а у вас есть пенициллин. Предположим, этот человек верит, что ему станет лучше, и отказывается от пенициллина, ничего не зная об антибиотиках и сомневаясь, можно ли вам доверять. Однако вы знаете – без пенициллина его ждет смерть. Вы заставите его принять лекарство?

– Да, – не раздумывая, ответил ван Хаттен. – Полагаю, так поступят не все, но я – да.

Он покачал головой.

– Впрочем, эта аналогия слишком притянута. Я не дикарь, умирающий от бактериальной инфекции. Эта ситуация слишком далека от вопросов жизни и смерти. Ваше сравнение исключительно неудачно.

Дэш усмехнулся.

– Профессор, перестаньте ходить вокруг да около и скажите, что вы на самом деле думаете.

Гриффин тоже ухмыльнулся.

– Не могу не признать вашу точку зрения, доктор ван Ха... ээм, Антон, – заметил он. – Вечная проблема с привлечением гениальных людей. Они слишком... ну... гениальны. Их очень непросто убедить.

– Послушайте, – сказал Дэш, – мы просим вас добровольно принять препарат. Но повторюсь, если потребуется, мы вас заставим. Даже понимая, что не имеем на это никаких морально-этических прав. Мы не станем этим гордиться. Но мы не можем позволить вам уйти, пока вы не испытаете усиление, как мы это называем.

– Зачем? Чем это так важно?

– Ни один из тех, кто хоть раз испытал усиление, не отказался присоединиться к нашим трудам, – произнес Коннелли, который большую часть времени хранил молчание. – Если вы не пройдете усиление, если не осознаете, что мы рассказали вам правду, вы станете угрозой нашей безопасности. Вы слишком много о нас знаете.

– Вы готовы сделать это добровольно? – вновь спросил Дэш.

– Не уверен, что мы одинаково понимаем добровольность, – отозвался физик. – Сейчас мне приходится добровольно выбирать из двух вариантов: либо я принимаю капсулу сам, либо вы выкручиваете мне руки и запихиваете ее в рот. Примерно так?

Дэш нахмурился.

– Я приношу вам свои извинения. Вы достойный человек и гениальный ученый. Мы хорошо вас изучили и восхищаемся вами. Но дело в том, что я уверен: вы простите меня, как только испытаете то, что уже испытали все мы. И поймете, почему мы были вынуждены на это пойти.

Ван Хаттен вздохнул и кивнул.

– Ладно, – признал он свое поражение. – Давайте. Поскольку очевидно, что мне в любом случае придется проглотить эту штуку, лучше уж сделать это... добровольно. Должен признаться, я заинтригован. Да и потом, даже если вы группа опасных психопатов, вы самые вежливые и нерешительные – хотя и настойчивые – психопаты, которых я когда-либо видел.

– Спасибо, – криво улыбнулся Дэш. – Пожалуй.

Дэш и Коннелли остались в конференц-зале, а Кира с Гриффином повели гостя в просторную комнату по соседству. В комнате с прозрачными стенами стоял единственный стул, прикрученный к полу. Перед стулом виднелась мышь и виртуальная клавиатура, которую генерировал лазерный луч. Снаружи висели четыре компьютерных монитора, легко просматриваемые со стула сквозь толстые плексигласовые стены.

– Это наша усилительная комната, – пояснила Кира. – Она сконструирована так, чтобы запертый внутри человек не мог сбежать. Даже при том уровне гениальности, которого вы вскоре достигнете.

Кира подождала, пока ван Хаттен не осмотрит комнату.

– Клавиатура и мышь подсоединены к суперкомпьютеру, который находится снаружи, – продолжала она. – Он подключен к Интернету. Но ваш доступ к Сети будет ограничен поиском информации. Вашу деятельность будет мониторить еще один компьютер, мощнее первого, и если он обнаружит попытку взломать какой-то сайт или повлиять на какие-то внешние компьютеры – если только это не было согласовано заранее, – он заблокирует такие действия. Вы будете в силах обойти любой файерволл, созданный обычным программистом, но Мэтт разработал эту защиту в состоянии «разогнанного» ай-кью.

Кира перевела дыхание.

– Когда вы будете совершать открытия, как можно скорее вносите информацию в компьютер. Есть и хорошая новость – вы сможете набирать во много раз быстрее, чем обычно, причем без ошибок.

Кира занималась исследованиями в области интерфейса «мозг-компьютер» и не сомневалась, что после еще нескольких сессий с капсулами ей удастся создать систему, которая позволит отправлять мысли человека непосредственно в компьютер, минуя стадию набора данных, и многократно облегчит передачу индуцированных препаратом открытий.

– Мы будем наблюдать за вами, – сообщила она физику, – но не станем пытаться разговаривать. На первый раз мы хотим, чтобы вы спокойно взлетели, не отвлекаясь на беседы с тупицами вроде нас.

– Очень заботливо с вашей стороны, – сухо заметил ван Хаттен.

– Вы готовы? – спросил Гриффин.

Ван Хаттен кивнул.

Кира протянула ему капсулу и бутылку с водой. Стэнфордский физик сделал глубокий вдох, а потом без церемоний проглотил препарат.

Кира забрала бутылку, а потом вместе с коллегами отступила к толстой двери, которая запиралась крепче входа в сокровищницу.

– Эффект проявится через несколько минут, – сказала Кира. – А когда это случится... скажем так, вы его ни с чем не перепутаете.

7

Вертолет мчался на север, а Джейк в его кабине оценивал возможные варианты. Самый простой и очевидный способ – вломиться в комплекс, используя превосходство в живой силе, и выйти на дистанцию прямого выстрела. В стиле операции по захвату бен Ладена. Самый верный, самый прямой путь.

Но сейчас, применительно к этим людям, риск такой операции неимоверно возрастает. Если хотя бы один из них успеет принять капсулу и дожидаться эффекта, удача может оказаться на их стороне. Они будут слишком быстро думать и слишком быстро действовать. Джейк видел запись. Впечатляющее зрелище.

Слишком многое сейчас поставлено на карту, и риск вообще недопустим. Ничего нельзя оставлять на волю случая. Он приподнял большой черный головной телефон и засунул в правое ухо маленький наушник, тоненький провод которого бежал к мобильнику. Потом пристроил микрофон, висящий на проводе, около рта.

– Капитан Руис, – произнес он в микрофон, – чем они там заняты?

– Невозможно сказать наверняка по тепловым следам, но в основном они сидят. За эти несколько часов они вставали и ходили с места на место, разделялись ненадолго и сустились. По моему опыту, это похоже на очень долгое собрание, с редкими перерывами на туалет и напитки.

Джейк кивнул.

– Сейчас они вместе?

– Да, сэр.

«Крайние обстоятельства требуют крайних мер», – подумал Джейк. Именно для этого существовала его группа. Конечно, после операции ему могут предъявить серьезные претензии. Речь идет не о какой-нибудь аккуратно упакованной симпатичной ядерной бомбе. В отличие от бомбы, угроза Миллер и ее команды не столь очевидна и ее можно счесть преувеличенной. Не погрузись он с головой в их деятельность и не определи ее разрушительный потенциал, он мог и сам так подумать. Но пути назад не было. Он знал, что требуется сделать.

– Хорошо, капитан, – произнес полковник. – Действуем так. Я собираюсь поднять бомбардировщик, отправить его повыше и заткнуть им глотки управляемой бомбой.

Взрыв бомбы испарит внутри здания все живое, вплоть до тараканов.

– Управляемую бомбу, сэр? – растерянно переспросил капитан.

Джейк не мог винить его за такую реакцию. Сложно придумать нечто более противозаконное, чем сброс управляемой бомбы на гражданский объект в сердце Соединенных Штатов. Но это решение идеально соответствует ситуации. Здание стоит особняком, и движения поблизости практически нет.

– Капитан, вы меня слышали, – отозвался Джейк. – Мы подорвем бомбу, только когда она войдет в здание. Снаружи ее никто не заметит, а Миллер и Дэш не успеют ничего засечь.

Взрыв превратит здание в руины, но без побочного ущерба – если только кто-нибудь не окажется ближе пятидесяти ярдов от комплекса. Однако даже в таком варианте ему требуется абсолютная уверенность.

– Капитан, пусть ваши люди установят автоматические КПП на основных маршрутах, ведущих к зданию. Проверьте, чтобы внутри вашего периметра не было посторонних. Вам следует установить связь с пилотом бомбардировщика и в нужный момент сообщить, что все чисто.

– Вас понял. Сэр, как вы объясните взрыв?

– Утечка газа... Пожар ГСМ... Не знаю. У нас есть творческие специалисты, которые решат эту задачу. Я уверен, что мы справимся.

– Сэр, вы действительно считаете, что это необходимо? Даже если они круче, чем мы, у нас превосходство в живой силе и отличная тактическая позиция. Мы сможем захватить их или уничтожить без управляемой бомбы. Я абсолютно уверен в этом.

Перед внутренним взором Джейка всплыла сцена из фильма. Несколько полицейских штурмовали здание, чтобы задержать одинокую женщину. Полиция была уверена, что они полностью контролируют ситуацию. «Я думаю, мы справимся с одной девочкой», – сказал лейтенант, который командовал операцией. Джейк вспомнил невозмутимый голос одного из персонажей этого фильма, агента по имени Смит, и прошептал его незабываемый ответ: «Нет, лейтенант, ваши люди уже мертвы».

В наушнике Джейка послышался смущенный голос:

– Простите, полковник, я плохо расслышал.

Джейк откашлялся.

– Я сказал, выполняйте приказ, капитан. Выполняйте приказ.

8

Ван Хаттен сидел на одиноком стуле, закрыв глаза, и ждал... он сам не знал, чего. Возможно, капсула просто содержит плацебо, но он подозревал, что на самом деле там сильный галлюциноген или что-нибудь похуже. Вполне возможно, она окажется смертельной.

В любом случае, каким бы ни был ее эффект, он ничего не может с этим поделать. Содержимое капсулы несется по его кровеносной системе, и от него не избавиться ни усилением воли, ни ловкостью рук.

Физик задумался о людях, с которыми только что разговаривал. Они казались искренними и равнодушными. Хотя психопат, который убивает свою жену ради блага человечества, потому что так ему сказала колибри, тоже может быть искренним и равнодушным.

Правда, в одном физик не сомневался: Кира Миллер была стихией. Ван Хаттен еще ни разу не встречал человека, обладающего настолько мощным сочетанием физической и интеллектуальной привлекательности. Зашкаливающее обаяние, убедительность и притягательность. Будь он помоложе, он бы немедленно влюбился в нее.

Его разум взорвался.

Сто миллиардов нейронов переподключались в практически мгновенной цепной реакции.

Он задохнулся.

Только что его мысли двигались со скоростью пешехода, и вот они уже мчатся, как космолет с гиперпространственным двигателем... и даже еще быстрее. Казалось, навстречу его разуму несется звездное поле. Потом оно вытянулось, размылось, и разум совершил невозможный прыжок в гиперпространство.

Всё, что они ему рассказывали, правда! Всё.

Он отделил небольшую часть разума и занял ее обдумыванием последствий, а остальное обратил на исследование новообретенной мощи.

Откуда-то он знал, что с момента наступления эффекта прошло 1,37 секунды – ровно 1,37. Он не понимал, как это происходит, но сейчас его разум отсчитывал время с точностью секундомера.

Час – период, который раньше казался ему скупым, – внезапно стал невероятно щедрым.

Он задумался над проблемами теоретической физики, которые считались непреодолимыми. Озарение возникало едва ли не в тот же момент, когда он сосредотачивался на очередной проблеме.

Пальцы начали порхать над клавиатурой. Он даже не думал, что они способны двигаться с такой скоростью.

Всего минуту назад он не хотел, чтобы таинственная капсула подействовала. Сейчас он желал, чтобы ее действие длилось вечно.

* * *

Стэнфордский физик затолкал в рот очередной шоколадный пончик и запил его второй бутылочкой яблочного сока.

– Это было невероятно! Потрясающе! – уже в третий раз объявил он Кире и Гриффину, не замечая, что его реплики ходят по кругу. – Даже если бы я сразу вам поверил, никакие слова не могут подготовить к такому переживанию! Я даже близко не представлял, на что это похоже.

– Мне жаль, что пришлось вас заставить, – с хитрой улыбкой сказал Дэш, входя в комнату вместе с Коннелли.

– Нет, вам не жаль, – радостно ответил ван Хаттен, пока Дэш усаживался на стул. – И мне тоже. Спасибо. Я безмерно вам признателен. Возможно, аналогия с пенициллином не так уж и плоха. Хотя по сравнению с вашими капсулами, Кира, пенициллин больше похож на махинации шарлатана.

– Сделали несколько удивительных открытий, верно? – спросил Гриффин.

– Именно, – ответил ван Хаттен, вновь переживая эту часть своего опыта. – Я прекрасно помнил все, что когда-либо видел, слышал или читал; и даже все, о чем когда-либо думал. И все это доступно разом, в одно мгновение. Невероятно. Я обдумывал проблемы, с которыми пытался справиться всю свою научную карьеру. Стоило лишь сосредоточиться на любой из них на пару секунд, и ответ начинал разоблачаться передо мной, как...

Он сделал паузу, подыскивая подходящую метафору.

– Как эксгибиционист, участвующий в стрип-шоу.

– Ого, – отозвался Гриффин. – Хорошо сказано. Связать мощь усиленного интеллекта с живой порнографией – вдохновенная идея.

– Полагаю, вы не позволите мне переформулировать?

– А с какой стати? – поинтересовался Гриффин.

Ван Хаттен улыбнулся и обернулся к Кире.

– Ну и ладно. Считайте меня истинно верующим. Можете ли вы быстро ввести меня в курс дела?

Она восторженно улыбнулась.

– Я уже думала, вы так и не спросите.

– Вы с Дэвидом любите друг друга, верно? – неожиданно спросил физик.

– Одна из тех новостей, которые вы узнали за этот час? – весело поинтересовалась Кира.

Ван Хаттен кивнул.

– До этого вы казались просто близкими коллегами по работе. Но мой улучшенный разум прочел все признаки, как объявления с рекламных щитов.

– Непредвиденный бонус повышенного интеллекта, – пояснила Кира. – Вы с невероятной ясностью воспринимаете язык тела и прочие мелкие подсказки. Кажется, будто в этом состоянии можно читать мысли.

– Полагаю, вы обнаружили и возможность управлять каждой клеткой и ферментом своего тела? – заметил Мэтт Гриффин. – А заодно произвольно менять показатели жизнедеятельности?

Физик усмехнулся.

– О да, – легкомысленно ответил он. – И это тоже. В общем, потрясающий опыт.

Группа провела еще несколько часов, делясь с ван Хаттенем своей историей. Они рассказали о том времени, когда Кира Миллер осталась одна. Об украденных капсулах. О ложном обвинении в биотерроризме и правительственной охоте. О том, как Дэвида Дэша завербовали найти Киру. И о том, как ее брат Алан, которого она считала мертвым, скрывался в тених и дирижировал всей интригой.

Они пояснили, каким опасным образом эта терапия изменяет личность, – провоцируя в лучшем случае манию величия, а в худшем – социопатию.

– Вы не отметили в себе подобных изменений? – спросил Дэш.

– Вообще-то нет. Я был слишком занят – развлекался, решая задачи.

Дэш кивнул.

– В большинстве случаев поначалу эффект слабый, но потом он усиливается, – пояснил Дэш.

– И вы прошли очень серьезную проверку, о которой даже не подозреваете, – заметил Гриффин. – Или, как сказал бы Дэвид на прямолинейном диалекте военных, мы просветили все ваше дерьмо, – с улыбкой добавил он.

– Вам будет приятно узнать, что в отношении этики вы на самом верху шкалы, – сказала Кира. – То же самое касается природной твердости разума и характера.

– А как вам удалось проверить такие качества?

– Мы пользуемся способами, изобретенными под действием препарата Киры, – ответил Дэш, явно не желая углубляться в подробности. – У вас твердый характер; вдобавок, как выразилась однажды Кира, первый раз похож на путешествие Алисы в Стране чудес, поэтому неудивительно, что этот эффект пока не чувствуется.

– Просто для протокола, – встрял Гриффин. – Я проскочил стадию Алисы. Похоже, препарат подействовал на меня сильнее, чем на остальных. Помимо прочих качеств, я превратился в исключительно заносчивого типа.

– Команде пришлось придумать для старины Мэтта под усилением специальный технический термин, – широко улыбнулся Дэш. – Он превращается в редкостного мудака.

Ван Хаттен рассмеялся, явно чувствуя себя непринужденно.

– Ладно, ладно, – отозвался Гриффин. – Признаю. Я превращаюсь в мудака.

– Но феноменально продуктивного, – гордо добавил он; слово «феноменальный» давно стало их местной шуткой.

– Это единственный род мудаков, который мы приемлем, – заметил Дэш.

Кире не хотелось портить настрой, но им предстояло еще много работы.

– Полковник, не разъясните ли Антону логику операции? – предложила она.

– Полковник? – переспросил ван Хаттен.

– В прошлой жизни, – кивнул Коннелли.

– И почему я не удивлен?

– Буду считать ваши слова комплиментом, – сказал Джим, забирая у Киры пульт.

– Учитывая нашу историю и некоторые неприятности, произошедшие в начале года – о них мы расскажем вам попозже, – начал он, – сейчас наш уровень секретности и безопасности выше, чем когда-либо раньше. Здание, в котором мы находимся, можно назвать нашей штаб-квартирой. Мы вчетвером стоим во главе всего. Дело не в том, что мы – не считая Киры, конечно, – умнее или способнее прочих рекрутов; просто мы являемся основателями проекта. Учредителями.

В течение многих месяцев Кира сопротивлялась постоянному потоку восхвалений со стороны остальных членов основной группы, считая эти похвалы сильно преувеличенными, но потом смирилась. Дэш убедил ее в том, что автор инструмента, позволяющего совершать одно открытие за другим и меняющего ход истории человечества в той же степени, что огонь или колесо, заслуживает возведения на пьедестал.

– Разумеется, научно-исследовательский центр и это здание – всего лишь прикрытие, – продолжал Коннелли. – Это не рабочее помещение, а по большей части наш дом. Здесь есть спальни, кухни и все прочее. Возможно, правильнее будет назвать его жилым комплексом.

– Мы не зонировем его, но опять же, – пожал плечами Коннелли, – это меньшая из наших забот.

Он нажал кнопку на пульте, и на мониторе появилось изображение длинного коридора шириной с двухполосное шоссе, с бетонным полом и выкрашенными белым стенами.

– В южном конце здания есть коридор – бетонный туннель. Около восьмидесяти ярдов длины и на двадцать футов ниже уровня земли. Он ведет в складское здание площадью сто двадцать тысяч квадратных футов.

На экране появилось новое изображение. Вид с воздуха демонстрировал угрюмое, на вид заброшенное, здание без окон. Коннелли пояснил, что здание запечатано и единствен-

ный вход – коридор, связывающий склад со штаб-квартирой. Группа сначала приобрела склад, а потом выстроила штаб-квартиру и туннель. Для всех видов работ использовались разные подрядчики, а связанные с работами документы тщательно маскировали, уничтожали или перепутывали.

Потом Коннелли показал шеренгу стоящих в туннеле мототележек для гольфа, на которых люди перемещались из одного здания в другое.

За ними последовали изображения внутренних помещений склада. На каждой фотографии были все новые и новые виды лабораторий, оснащенных первоклассным оборудованием. В первую очередь продемонстрировали биотехнологическую, в которой Кира занималась производством капсул и работами над терапией долгожительства. Потом на экране замелькали другие лаборатории: физика высоких энергий, химия, электроника, оптика и так далее. Все они выглядели безупречно, а их создатели явно не скупились при закупках.

– Надеюсь, мы успеем провести вас по ним до вашего отъезда, – сказала Кира. – Показывать фотографии несколько... убого, но у нас еще много дел. Кроме того, состояние усиления серьезно выматывает организм, поэтому вам лучше подольше отдохнуть и съесть пару лишних пончиков.

– Очень мило с вашей стороны, – отозвался ван Хаттен, который обнаружил оставшийся несъеденным последний, десятый пончик и жадно схватил его. – Впечатляющий комплекс, – добавил он.

Только основная группа знала о существовании второго, практически идентичного здания в Кентукки. Оно точно так же соединялось туннелем со складом, заполненным лабораториями, и имело такую же защищенную комнату для использования терапии Киры.

Группа набирала людей по всей стране и всему миру, хотя в основном, из-за логистических соображений, фокусировалась на Соединенных Штатах. Всех новых членов оформляли как консультантов, что давало им основания часто посещать соответствующие объекты, хотя они старались держаться как можно незаметнее.

Оба комплекса размещались в тридцати минутах езды от крупного аэропорта, а их расположение было выбрано таким образом, чтобы на перелет сюда из любого соседнего штата требовалось не более двух-трех часов. Группа взяла карту Соединенных Штатов, поделила ее на две половины, западную и восточную, а потом постаралась отыскать примерно посредине каждой половины международные аэропорты, связанные прямыми рейсами со всеми прилегающими штатами. Международный аэропорт Денвера стал победителем в западной части, а Международный аэропорт Цинциннати/Кентукки выиграл состязание в восточной. Основная группа делила свое время между двумя комплексами примерно поровну, но считала основной штаб-квартирой денверскую.

– Спасибо, – сказал Дэш. – Мы вложили в него много сил. Не говоря уже о куче денег. Очень удачно, что Мэтт в усиленном состоянии способен по своему желанию творить деньги.

– Правда? – заинтересовался ван Хаттен, поднимая бровь.

Хакер пожал плечами.

– Поменяйте несколько пикселей и байтов в компьютерных системах мира, и ваш банковский счет никогда не иссякнет. Есть разного рода проверки и меры безопасности, которые препятствуют такой деятельности, но если изымать относительно скромные суммы у крупнейших банков и бизнесов мира и при этом обходить проверки, то все получится. Вдобавок я вычищаю любой след того, что эти пиксели и байты вообще когда-либо существовали. Так что деньги не пропадают.

– Ловко, – сказал ван Хаттен.

– Мы стараемся не злоупотреблять, но тратим... эээ, – заметила Кира и лукаво покосилась на Гриффина, – феноменальное количество денег. У нас много контрактов с производи-

телями и других работ. Все это стоит дорого, особенно если учесть, что мы не относимся к терпеливым заказчикам. А заниматься этим, поддерживая максимальный уровень безопасности и стараясь заметать следы, стоит еще дороже.

– С другой стороны, – вступил Дэш, – приятно, что если вам что-то нужно или вы считаете какой-то предмет полезным, хотя бы чуть-чуть, вам достаточно просто попросить.

Он достал мобильный телефон.

– Мы с Джимом, к примеру, хотели телефоны, которые переживут войну, но при этом будут выглядеть как самые обычные. Этот телефон стоит десять тысяч долларов, зато прочнее не бывает: военного класса, полностью водонепроницаемый. Им можно забить в бетон стальной костыль, а потом спокойно проверять эсэмэски... – Он сделал паузу. – Так что не стесняйтесь. Если вам что-то нужно, мы это добудем.

Ван Хаттен медленно кивнул.

– Буду иметь в виду, – задумчиво произнес он.

– Но вернемся к инструктажу, – сказал Коннелли. – Новые члены организованы в группы по шесть человек.

Распределение людей по группам велось в зависимости от их близости к одному из двух комплексов, но поскольку каждый знал только о существовании одного, этот принцип оставался им неизвестен.

– Эти группы можно воспринимать как ячейки. Но поскольку этот термин чаще всего используется в мире применительно к террористам, мы решили от него отказаться. Мы называем группы гексадами.

– Понимаю, – произнес ван Хаттен. – Как триады. Только для шести человек.

– Именно, – сказала Кира. – В назначенные дни члены соответствующей гексады собираются здесь и по очереди проходят усиление. Мы ведем строгий учет капсул, и я сама распределяю их. Есть график встреч, спланированных таким образом, чтобы разные гексады никогда не встречались.

– Мы немного параноики, – добавил Гриффин.

– Да, совсем немного, – улыбнулся ван Хаттен. – Значит, сколько бы рекрутов у вас ни было – уверен, вы не откроете их число, – они знают только вас четверых и пятерых остальных членов своей гексады?

– Совершенно верно, – ответил Джим Коннелли. – Мы просим рекрутов не пользоваться настоящими именами и не пытаться идентифицировать друг друга.

– Кроме того, мы стараемся подбирать одиноких людей вроде вас, у которых немного родственников, – сказал Дэш. – На всякий случай. Если человек состоит в браке, мы предпочитаем пары без детей. Или с взрослыми детьми, которые уже живут своей жизнью. В основном мы придерживаемся этих правил, хотя и сделали пару исключений. Если гексада оказывается под угрозой, такая политика облегчает ей возможность скрыться. Случись такое, человеку с женой и детьми будет нелегко. Они включаются в наш эквивалент программы защиты свидетелей. А для остальных в худшем случае достаточно симулировать смерть и исчезнуть.

– Симулировать смерть, на мой взгляд, не самое простое дело, – заметил ван Хаттен.

Дэш улыбнулся.

– Ну, у нас это здорово получается, – ответил он. – Наша лучшая уловка.

Все замолчали. Группа давала ван Хаттену время переварить все сказанное. Джим Коннелли воспользовался возможностью и, вежливо извинившись, вновь вышел.

Кира подумала, что немолодой физик держится на удивление хорошо. Несколько раз они провожали его в ванную комнату, несколько раз отлучались сами, но в остальном марафон продолжался без задержек.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Кира у порозовевшего ученого. – Если хотите, можем сделать перерыв минут на двадцать. Мы слишком много на вас вывалили. Все равно что напиться из пожарного шланга.

Ван Хаттен добродушно рассмеялся.

– Я в полном порядке, – заверил он. – Такое откровение случается один раз в жизни, так что я вполне способен поработать головой еще несколько часов. Вы заняты поистине замечательными делами. И работаете, как хорошо смазанная машина. Располагая такими комплексами, фондами и доступом к гениальности, раскрываемой вашей терапией, можно превратить утопию из несбыточной мечты в реальность.

Кира нахмурилась. Ван Хаттен попал в больное место. Утопия как концепт была намного сложнее, чем ей удавалось осознать. Даже если бы у Кире была волшебная палочка, выполняющая любые желания, проблемы становились бы все острее и острее.

Предположим, вы способны по волшебству изобретать пути полного освобождения человечества, механизации всего труда; пути, которые сделают мир настолько изобильным, что ни от кого не потребуется работать ради выживания. Будет ли это утопией? Кира изучала науки о счастье, и это изучение подсказывало, скорее всего, человечество ждет не утопия, а катастрофа.

Люди от природы беспокойны. Стоит человеческому разуму хотя бы частично освободиться от насущных забот, и он тут же находит бесконечные поводы для переживаний. Эта черта позволяла первым людям предвидеть невидимые и далекие опасности и помогла физически слабым гоминидам выжить и стать доминирующим видом на планете. И потому, хотя в умеренных количествах отдых и удовольствия – штука хорошая, людям требуется занятость, сложная деятельность, которая настолько поглощает внимание, что не оставляет места страхам, тревогам или рефлексии.

Как прекрасно знала Кира, вопреки распространенному мнению, люди счастливее всего не во время длительного отдыха, а в тот период, когда они растут как личности. Когда движутся к цели. Когда пытаются справиться со сложными и серьезными проблемами, а потом справляются с ними. Когда их усилия питают чувство выполненного долга и самоуважение. Даже черная работа приносит человеку большее удовлетворение, чем считают многие.

Сделайте вашу утопию слишком утопичной, и настанет скука. И беспокойство. Некоторые люди продолжают работать и испытывать себя на каждом шагу – даже если кто-то позаботился обо всех их физических и финансовых потребностях. Но большинство попадет в ловушку, их усыпит низкоэнергетическое состояние бесконечного досуга, в котором слишком мало подлинного счастья. Состояние иждивения, зависимости без малейшего ощущения прогресса, роста или достижений. Медленное отравление сущности вида.

Кира пришла к убеждению, что истинная утопия невозможна для людей в их нынешнем состоянии, независимо от условий.

Дэш бросил на нее взгляд, который говорил: муж точно знает, о чем она сейчас думает, и собирается на минуту перехватить инициативу в разговоре. Они много раз обсуждали состояние человечества и утопические мечтания, но всякий раз оказывались на том же месте, хотя Кира не думала, что Дэвид станет посвящать в эти подробности ван Хаттена. Так и вышло. Он воспользовался возможностью вернуть физика, пребывающего во вполне понятном состоянии эйфории, на землю. Туда, где ему требуется быть для продолжения дискуссии.

– Мне не хочется лопать ваш воздушный шарик, – произнес Дэш, – но хотя у нас есть грандиозные цели, дела идут совсем не так хорошо, как мы надеялись... На многих фронтах, – мрачно закончил он.

9

До приземления Джейку оставалось несколько минут, но он не собирался откладывать операцию до момента, когда сможет занять кресло в первом ряду. Сейчас дорога каждая минута. В любую секунду он может потерять элемент неожиданности. Миллер и Дэш могут решить уйти. Может случиться что угодно.

А провалиться на этом этапе просто невыносимо. После стольких поисков найти их, загнать в угол, а потом упустить – тут впору будет сойти с ума. Это гораздо хуже, чем так и не отыскать их.

Исходя из данных, предоставленных Розенблаттом, их организация была организована гениально, меньшего Джейк и не ожидал. Ячейки из шести человек, где каждому члену советуют не интересоваться личностями остальных. Правда, располагая полученными от Розенблатта описаниями и подсказками, Джейк был уверен, что они смогут вычислить остальных членов ячейки физика. Рано или поздно.

У структуры группы Миллер было очевидное преимущество – ни одна ячейка не располагает какой-либо информацией об остальных. Но здесь кроется и серьезный недостаток. Ячейки не имеют связи друг с другом, но все они связаны с центром. А значит, каждый член группы знает людей из ядра организации. Удивительно, как они такое допустили. С другой стороны, официально они мертвы, и если считают, что об их существовании никому не известно, этой системы должно быть вполне достаточно.

И они продолжали придерживаться режима максимальной осторожности. Они заботились о том, чтобы никто из новых членов группы не узнал адрес комплекса. Судя по описанию Розенблатта, всех привозили туда в закрытом салоне микроавтобуса, не позволяя смотреть по сторонам. Это вежливее, чем завязывать гостям глаза, но результат ничуть не хуже.

Но Розенблатт все равно знал достаточно, чтобы привести к нужному месту. Миллер допустила одну ошибку. Во время одного из многочисленных докладов, которые она делала перед ячейкой – они называли это гексадой – Розенблатта, она вывела на экран не тот слайд. Слайд пробыл на экране всего пару секунд, потом Миллер заметила свою ошибку и исправилась, но было уже поздно. У слайда был заголовок: «Здание штаб-квартиры. Архитектурная подача». Внизу виднелась иконка Денверского международного, а на северо-востоке от нее – штаб-квартира. Наружные стены здания покрывали большие зеркальные панели, в которых отражались окрестности. Безупречный прямоугольник в два этажа и, судя по отражениям соседних деревьев, не слишком большой; вероятно, пятнадцать-двадцать тысяч квадратных футов.

Им повезло. Не увидев этого слайда, Розенблатт никогда бы не смог ни указать размеры здания, ни описать его окрестности. Равно как и определить его расположение относительно аэропорта.

Как только Джейк узнал о размерах и стиле здания, расположенного к северо-востоку от аэропорта и в восьмидесяти ярдах от большого склада, ничего другого уже не требовалось. Располагая огромными ресурсами, компьютерами, спутниками и всем прочим, группа спецопераций практически сразу обнаружила здание, а потом подтвердила присутствие в нем Дэша и Миллер.

И сейчас, всего через несколько минут, он поставит крест на угрозе, равной которой не было за всю историю человечества.

Джейк набрал номер своего заместителя.

– Удар по Миллер готов. Майор, в каком состоянии ваши поиски?

– Компьютерные парни работают на всю катушку, – ответил Колк. – Мы уверены, что определили личности двух членов ячейки Розенблатта: тех, у которых наиболее выдающаяся внешность.

– Насколько вы уверены?

– Вполне. Оба – известные ученые. Не самые сливки в своей области, но крепкая четверка. Один работает в университете, второй – в частной компании. Примерно полгода назад оба начали регулярно летать в Денвер, чего никогда раньше не делали. Судя по выпискам с банковских счетов, перед первой поездкой оба обналичивали чеки на пять тысяч долларов. Это соответствует тому, что Розенблатт рассказывал об образе действий группы.

Майор сделал паузу.

– Пока вы летели в Петерсон, я поднял ближайшие к ним команды и приказал быть наготове и ждать указаний.

– Отлично, майор. Пусть проведут облавы на дома и рабочие кабинеты этой пары, с надбавкой за скрытность и осторожность. Сразу, как только мы разберемся с Миллер. К этому времени уже наступит ночь, и ваши команды должны проникнуть в помещения незаметно, не привлекая внимания. И предупредите всех – я хочу, чтобы с этими учеными обращались настолько бережно, насколько это в человеческих силах. Ни при каких обстоятельствах не применять смертельного оружия. Заберите их для допроса и захватите все, что удастся собрать, в первую очередь – их компьютеры.

– Принято, – ответил Колк.

10

– Учитывая чудесный эффект терапии Киры, – заявил стэнфордский физик, – неудивительно, что вы целитесь вдале. Так что же у вас на уме?

– Мы думаем масштабно, – ответил Дэвид. – Очень масштабно. Бессмертие. Цивилизация на просторах галактики, а то и Вселенной. И в конечном счете, возможно, разум, стирающийся через всю галактику или Вселенную.

– Ого! Жаль, что вы не амбициозны, а то могло бы получиться интересно.

– Именно поэтому на повестке дня нет компьютерных шутеров, – пожаловался Гриффин. – А ведь в какой-нибудь параллельной Вселенной, где цели нашей группы будут не столь возвышенны, я мог быть суперзвездой игровой индустрии. Окруженной толпой красивых женщин, спешу добавить.

Ван Хаттен весело потряс головой и повернулся к Кире.

– Дэвид упомянул бессмертие. Я не биолог, но вы вправду считаете, что это возможно?

– Да. Используя усиленный интеллект, этого удастся добиться в ближайшие пятьдесят-сто лет, – ответила она. – В усиленном состоянии мне удалось разработать терапию, которая удваивает продолжительность человеческой жизни. Но для продолжения одних только биологии и медицины будет недостаточно. Возможности манипуляций с человеческим организмом не беспредельны. Помимо неврологов, работать над бессмертием должны усиленные физики, робототехники и компьютерщики. От них потребуется найти способ передать точное квантовое состояние конкретного человеческого разума в более стабильную искусственную матрицу, искусственное тело. И этот переданный разум будет неотличим от своего оригинала вплоть до последнего спина последнего электрона. И тогда вам нужно будет только регулярно, каждую ночь, копировать свой разум на специальный носитель. Точно так же, как вы поступаете с жестким диском своего компьютера. И если ваше искусственное тело будет разрушено, ваш разум будет автоматически перенесен в новое.

– Как я понимаю, вы не очень-то верите в существование души? – поинтересовался ван Хаттен.

– Давайте скажем просто – я надеюсь, что душа неотделима от бесконечно многогранной деятельности человеческого мозга. И где бы разум ни нашел свой приют, душа следует за ним.

– Очень поэтично, – признал физик. – Но вопросы души – это только начало. Вы представляете, какая сразу выплывает куча религиозных, этических и философских проблем?

Кира кивнула.

– Ни один разум не в силах это представить. Даже усиленный. Что есть смысл жизни? В какой степени эмоции являются функцией нейронной цепи, а в какой – гормонов? Сможем ли мы испытывать любовь, лишившись эндокринной системы? Сможем ли мы вообще испытывать чувства? И если нет, не потеряем ли мы движущую силу и цель? Останемся ли мы людьми?

Она сделала паузу.

– Если человек верит в загробную жизнь, не почувствует ли он себя обманутым? Или наши оригинальные, органические сущности все же умрут и станут с ужасом смотреть из послежизни на свои бледные подобию, бесцельно мечущиеся по галактике? И что может помешать человеку загрузить тысячи копий собственного разума в тысячи искусственных тел? И даже если в момент вашей смерти ваш разум возродится в идентичной копии, его оригинал все равно перестанет существовать. Так можно ли считать это бессмертием?

Кира вздохнула.

– А ведь это только малая часть вопросов. Я могла бы продолжать всю ночь.

– И вы явно не придумали ни одного ответа, – широко улыбнулся ван Хаттен.

– Ни одного, – рассмеялась Кира.

Ван Хаттен улыбался еще пару секунд, но потом посерьезнел.

– Когда я рос, – сказал он, – моим любимым автором был фантаст Айзек Азимов. Кто-нибудь из вас читал его рассказ «Последний ответ»?

Мужчины растерянно переглянулись, и только Кира утвердительно кивнула.

– Должна признаться, что помешана на научной фантастике, – ответила она. – Когда я росла, Азимов уже капельку устарел, но все равно был любимым. А это его самый провокационный рассказ.

– Не могу не согласиться, – заметил ван Хаттен, явно обрадованный товарищу-фанату. – Но для тех, кто его не читал, позвольте рассказать одну историю, которая доносит ту же точку зрения, пусть и не столь убедительно и провокационно, как у Азимова.

Ван Хаттен несколько секунд собирался с мыслями и начал рассказ.

– Один парень умирает и попадает в загробную жизнь. Его встречает яркий, ослепительный свет. И всемогущая сущность говорит ему, что теперь он может воплотить свои самые безумные мечты о вечности. Нет никаких правил. Можно делать все, что угодно. Можно в одно мгновение пересечь всю Вселенную. И первые десять тысяч лет или около того парень наслаждается новой жизнью. Но проходит миллион лет, а он по-прежнему там, а вокруг все то же самое. Его разум устал, он утомился от бремени сознания. И парень находит ту всемогущую сущность и спрашивает, когда же его существование подойдет к концу. Но ему говорят, что это единственное, чего здесь не бывает. Проходит еще миллиард лет. Он так устал, ему так все наскучило, что он просит прекратить его существование. И снова ему говорят, что это невозможно. «Если так, – рассерженно говорит он, – значит я в аду». И всемогущее существо отвечает ему из глубин сияющего света: «А что, ты только сейчас это понял?»

Все сидели тихо.

Наконец Кира кивнула.

– Это интересная точка зрения. Похоже, совершенного мира не существует. Я могу сказать только одно – по крайней мере, будущие бессмертные смогут прекратить свое существование, если пожелают. А скука и усталость от бремени существования могут быть всего лишь фактором ограниченности нашего интеллекта и перспективы. Или нашей эндокринной системы. Возможно, у усиленного разума не возникнет каких-либо трудностей с вечностью.

– Возможно, – с сомнением признал ван Хаттен. – Простите, что отвлекся. Меня всегда увлекал философский подтекст бессмертия.

Мэтт Гриффин закатил глаза.

– Похоже, вы отлично подходите к нашей компании.

– Должен признаться, мне нравится обсуждать грандиозные идеи. А раз уж ваша группа имеет шанс когда-нибудь превратить эту грандиозную идею в реальность, обсуждение становится еще интереснее.

Ван Хаттен указал на Киру.

– Но позвольте вернуться к сказанному вами ранее, если вы не против. Вы действительно нашли способ удвоить продолжительность человеческой жизни? Почему я об этом не слышал?

Кира описала свою терапию продления жизни, а потом рассказала об анализе, убедившем ее, что обнародование этих сведений приведет к катастрофе.

– С того времени мы очень внимательно изучаем все серьезные открытия, которые делаем, и стараемся определить, к каким последствиям они могут привести. Непредвиденным последствиям. Как вы указали, они есть даже у бессмертия. – Она вздохнула. – Но должна сказать, что сейчас мы переосмысливаем эту позицию.

– Почему? Она кажется вполне разумной.

– Централизованное планирование не работает, – отозвался Дэш. – Это постоянно демонстрирует история, хотя многие отказываются воспринимать доказательства. Кроме того, в любых достижениях есть победители и проигравшие. Если мы изобретаем автомобиль в девятнадцатом веке, следует ли нам обнародовать это изобретение? Или мы придем к заключению, что оно нанесет слишком серьезный удар по процветающей индустрии конных перевозок? Что оно несет слишком глубокие изменения и общество не сможет его переварить?

– Вспомните «Конец Вечности», – предложила Кира, подняв брови. – Вашего любимого автора.

В книге «Конец Вечности» Азимов обрисовал колоссальный бюрократический аппарат, существующий вне времени и способный по своему желанию вносить в поток времени любые изменения. Эта организация искренне желала достичь наилучших последствий для большинства людей и меняла историю, отводя ее от войн и катастроф. Она устраняла опасные открытия и изобретения. Она сохраняла статус-кво, опасаясь покачнуть корзинку с яйцами. Но все эти благие намерения привели к катастрофе.

В самой природе прогресса и эволюции заложены болезненные потрясения. Взвешенный и осторожный анализ способен удержать цивилизацию от драматических ситуаций. Однако временами родовые схватки революционных достижений – та цена, которую вид должен платить за свое выживание и развитие.

Ван Хаттен задумчиво потер подбородок.

– Интересно. Я давным-давно не вспоминал эту книгу. Но понимаю, о чем вы.

– В усиленном состоянии мы достаточно умны, чтобы осознавать – для генерального планирования мы умны недостаточно, – пояснил Дэш. – Тем не менее мы продолжаем цепляться за свою паранойю. А удвоение человеческой жизни находится далеко за пределами того, что способно воспринять общество, даже путем серьезных потрясений. Если выпустить это открытие на волю, оно сломает хребет цивилизации.

– Вот почему вы так важны для нас, – продолжила Кира. – Вы можете оказаться ключевым фактором, который позволит нам предать гласности это открытие. Это и многие другие.

– Не уверен, что я вас понял, – растерянно заметил ван Хаттен.

– Суть в следующем, – ответила Кира. – Стоит появиться недорогому и эффективному способу перемещаться со сверхсветовой скоростью, и все эти проблемы исчезнут. Прямо сейчас человечество сложило все яйца в одну корзину. Мы, как вид, чрезвычайно уязвимы. Земля встречается с метеоритом – и нас больше нет. Мы взрываем себя сами – и нас больше нет. Но стоит нам колонизировать космос, – страстно, с горящими глазами заговорила Кира, – человечество будет жить, даже если Земля исчезнет. Мы сможем продлевать свою жизнь, не опасаясь перенаселения. Нам не потребуется прятать изобретения. Мы будем уверены, что человечество заняло свое место во Вселенной и продолжает расти.

Она сделала паузу.

– Но все это зависит от нашей способности оторваться от планетарной колыбели и разложить яйца по разным корзинкам.

Ван Хаттен энергично кивнул, замороженный ослепительными образами.

– После ваших слов все действительно становится очевидным, – произнес он. – Такая цель достойна того, чтобы в нее уверовать. Само собой, я в вашем распоряжении.

– Вы отдаете себя в распоряжение только Киры? – шутливо поинтересовался Гриффин.

Ван Хаттен усмехнулся.

– Разумеется, я имел в виду всю вашу группу, – невинно ответил он. – Я в распоряжении Центра совершенствования научных исследований.

– На самом деле, – заметил Гриффин, – его не существует. Всякий раз, когда мы работаем с новым рекрутом, мы выдумываем для нашего фиктивного исследовательского центра новое название.

– Настоящее название нашей организации – «Икар», – сказала Кира.

– «Икар»?

– Ага, – усмехнулся Дэш. – Мы решили, что такой радикальной и тайной организации нужно название. А «Аль-Каида» уже занято.

Ван Хаттен рассмеялся.

– Мы с Джимом Коннелли хотели подобрать что-нибудь менее символичное, не настолько комиксоидное, – продолжил Дэш. – Но у нас тут бал правят гики⁴, и мы оказались в меньшинстве.

– Понятно, – ответил ван Хаттен. – Должен признать, это действительно гиковское название. Но если немного подумать, оно очень неплохое. Икар. Грек, который поднялся слишком близко к солнцу. Поучительная история об опасностях гордыни.

Кира кивнула.

– Мы решили, оно нам подходит, – сказала она. – Напоминание о том, что не следует увлекаться. Раз уж гордыня преобладает над прочими чувствами во время усиления, неплохо иметь в памяти какой-то маячок.

– Итак, добро пожаловать в «Икар», – объявил Гриффин. – Мы очень рады, что к нам присоединяется человек такого калибра.

Трое оставшихся членов группы согласно закивали.

– Спасибо, – отозвался ван Хаттен.

Физик обернулся к Дэвиду.

– Вы упомянули, что дела идут не слишком гладко, – уже серьезно сказал он. – Что вы имели в виду?

Дэш на мгновение задумался, будто решая, с чего начать.

– Вербовка идет медленнее, чем мы ожидали, – ответил он. – Поиск состоявшихся ученых, которые могут пройти наши тесты, оказался сложнее, чем мы думали. Мы можем понизить планку – в конце концов, мы вчетвером ей не соответствуем, – но даже единственная ошибка может обойтись нам слишком дорого.

– А дешевые и эффективные путешествия со сверхсветовой скоростью оказались трудноразрешимой проблемой, намного серьезнее, чем мы предполагали, – добавил Гриффин.

– Ага, – весело подтвердил Дэш. – Пока даже дорогие и неэффективные ССВ-путешествия кажутся невозможными.

– Мы наивно думали, что достаточно в несколько раз усилить разум любого хорошего физика, – сказала Кира, – и революционные решения у нас в кармане. Но из этого ничего не вышло. Несколько присоединившихся к нам физиков добились потрясающих успехов во многих областях. Но с ССВ все оказалось... намного сложнее. – Она сильно нахмурилась. – А ведь всё – буквально всё – зависит от решения нами этой проблемы.

– А почему вы так уверены, что я с ней справлюсь?

– Мы не уверены. Но в этой области вы лучше всех. Так что мы надеемся.

– Спасибо за комплимент. Но что, если я тоже не справлюсь?

Кира вздохнула.

– Есть еще одна возможность, над которой я работаю, – ответила она, болезненно скривившись и явно не желая рассказывать дальше.

Ван Хаттен терпеливо ждал продолжения.

⁴ Гик – человек, чрезвычайно увлеченный чем-либо; фанат. Изначально гиками именовали людей, увлеченных высокими технологиями (обычно компьютерами и гаджетами).

– Существует более высокий уровень усиления, – произнесла Кира. – Намного более высокий.

– Намного? – с сомнением переспросил ван Хаттен. – Это невероятно. Я только что испытал на себе ваше усиление и не представляю, как его можно превзойти.

– Не превзойти. Сдуть. Пока вы не пережили первый уровень, его тоже невозможно представить. Но второй...

Глаза Киры расширились, и она восхищенно потрясла головой.

– Я находилась на нем всего пять минут. Но мой разум работал с такой скоростью, что эти минуты воспринимались как пять дней. Я не в состоянии вспомнить большую часть своих мыслей, но знаю точно: этот уровень настолько же превосходит первый, насколько первый превосходит нормальный разум. Вдобавок у него есть огромное достоинство – это состояние настолько трансцендентное, что в нем не остается места для социопатии и мании величия.

– Фантастика, – произнес ван Хаттен.

Кира опустила взгляд и отвернулась.

– Что-то пошло не так? – тихо спросил физик.

Миллер с болезненным выражением кивнула.

– Я едва пережила его, – ответила она. – Пару минут после окончания эффекта я чувствовала себя отлично, а потом тело просто не выдержало. Разогнанный до такого уровня разум сжигает все ресурсы. Вы уже сами знаете, как организм после усиления требует глюкозы. А там все было намного хуже. Это полное истощение... буквально всего.

– Мы помчались в больницу, – сказал Дэш. – И едва успели доехать, как Кира впала в кому. Как потом выяснилось, почти на две недели.

Казалось, он заново переживает те события.

– Она справилась, но все могло закончиться совсем иначе.

Его рассказ был неполон, но остальное касалось только его и Киры. Достигнув запредельного уровня интеллекта, познав каждую клетку своего тела, Кира обнаружила, что беременна, хотя на этом сроке ни один тест не справился бы с диагностикой. Но эти пять минут настолько истощили ее тело, что оно не смогло удержать в себе новую жизнь. А позже они с Дэвидом неохотно, но пришли к выводу – с детьми придется подождать. Решение болезненное, но верное. Как ни скромничай, она и Дэвид играют ключевую роль в истории человечества. И как бы им ни хотелось стать родителями, их ответственность слишком велика и не может позволить такую роскошь.

– А если предварительно обеспечить человека питанием и всем прочим, чтобы предотвратить истощение? – спросил ван Хаттен. – К примеру, за несколько дней до усиления начать ставить капельницы. Разве это не может быть решением?

– Мы думали об этом, – ответил Гриффин. – А учитывая важность ССВ-перемещений и отсутствие прогресса в их разработке, физик из нашей команды вызвался добровольцем.

Он помолчал.

– Мы изо всех сил старались отговорить его, хотели убедиться, что он абсолютно уверен. Но он настаивал. По его словам, шанс заглянуть в мысли Бога стоит риска.

Он мрачно покачал головой.

– И у него не вышло. Несмотря на предварительные капельницы. Несмотря на все медицинское оборудование, которое мы заготовили. Когда он вернулся к норме, то широко раскрыл глаза и прошептал: «Ответ очевиден», а потом впал в кому. И уже из нее не вышел.

Глаза Киры больше не сияли, и выражение ее лица ясно говорило: в случившемся она винит себя.

– Мне очень жаль, – произнес ван Хаттен. – Но, Кира, это не ваша ошибка. Он знал о риске. Я испытал первый уровень и хорошо понимаю, почему он вызвался добровольцем. Его смерть – трагедия, но последние пять минут его жизни...

Он покачал головой.

– Я даже представить не могу, насколько глубоко он проник в природу реальности.

– Да, это хоть какое-то утешение, – согласилась Кира, но без особой убежденности; потом она взяла себя в руки и продолжила: – Я работаю над тем, чтобы понять произошедшее и усовершенствовать терапию. Кроме того, я пытаюсь понизить интенсивность. Если первый уровень – десять, а второй – сто, возможно, мне удастся получить пятьдесят или шестьдесят. Достичь все еще запредельного уровня, который можно пережить. Именно этим я и занимаюсь большую часть времени.

– Есть прогресс?

– Некоторый, но его недостаточно. Это нейронная цепная реакция. Процесс кристаллизации с дискретными конечными точками. Похоже, у него нет промежуточных состояний.

Дэш взглянул на часы.

– Не хочется упоминать об этом, но боюсь, нам пора закругляться, – сказал он, кивнув стэнфордскому физику. – Вам не стоит опаздывать на рейс.

Пухлое розовое лицо ван Хаттена медленно расплылось в широкой улыбке.

– Сейчас я в таком восторге, что, кажется, могу сам долететь до дома. Это был самый потрясающий день в моей жизни.

– Ну, есть еще много всякого, – сказала Кира, – но мы сможем подробнее ввести вас в курс дела в следующий раз. Во всяком случае, сегодня мы успели затронуть все основные моменты.

Дэш с тревогой взглянул на физика.

– Почти все, – заметил он.

Ван Хаттен поднял брови.

– Мы не можем отпустить вас, не предупредив об опасностях вступления в «Икар».

Дэш пересказал, что случилось с Россом Мецгером. Как они приобрели частную исследовательскую компанию «Эдванст Физикс Интернэшнл», за два года до постройки нынешнего комплекса. Как на лабораторию напали наемники и как погиб Росс. Кто-то извне знает об их существовании. И этот кто-то беспощадно компетентен.

Ван Хаттен задумчиво потерев подбородок.

– Насколько я понимаю, реактор холодного синтеза так нигде и не появился, иначе это событие попало бы во все новости.

– Верно, – подтвердила Кира. – Но это неудивительно. Выход установки едва покрывал расход энергии. Росс в усиленном состоянии был убежден, что ее можно значительно улучшить, но кто бы ее ни захватил, он не представляет, как это сделать... – Она мрачно покачала головой. – Честно говоря, я думаю, основной целью рейда была не кража конкретного изобретения, а сигнал нам.

– А у вас есть какие-то зацепки?

– Ни одной, – ответил Дэш. – Единственный подозреваемый, который пришел нам в голову, – это сам Росс Мецгер. Но мы быстро исключили его.

– Тот парень, которого убили?

Дэш кивнул.

– Рейд был практически безупречным. Его настолько хорошо подготовили, что я не мог отделаться от мысли – это работа усиленного разума или инсайдера, – сказал он. – И в том и в другом случае это могло указать на Росса. Но из нас пятерых он был самым устойчивым и лучше всех справлялся с побочными эффектами терапии. Росс раз за разом проходил усилен-

ние, но его личность, в отличие от наших, в основном не менялась. Из всех нас у него было меньше всего шансов выйти из-под контроля.

– И вы исключили его из-за этого? – удивленно уточнил ван Хаттен. – Не потому, что его убили во время нападения?

Кира улыбнулась.

– Вы уже испытали, как легко подделать собственную смерть во время усиления. У вас есть абсолютный контроль над вегетативной нервной системой. Вы в состоянии остановить сердце на то время, когда кто-то будет проверять ваш пульс. Если бы здесь был Джим Коннелли, он бы подробно рассказал, как это бывает.

– Как мы уже говорили, – заметил Гриффин, – это наша лучшая уловка. Все, с кем вы сегодня познакомились, считаются мертвыми. Если бы Росс решил переметнуться и снять себя с доски, он бы в первую очередь задумался о таком варианте.

– Но в данном случае, Антон, вы правы, – продолжила Кира. – Смерть Росса исключила его из числа подозреваемых, поскольку он не мог ее подделать. Ему требовалась капсула, а ее не было. Я готовлю их и веду тщательный учет. Их хранилище абсолютно безопасно, и ни одна не пропадала.

– Короче говоря, – сказал Дэш, – у нас нет ни зацепок, ни идей.

Ван Хаттен помолчал, обдумывая эти сведения.

– Так, значит, на вас охотится неизвестный, но могущественный враг. А вы не думали выйти из тени? Возможно, не для общественности, но хотя бы для правительства?

Гриффин рассмеялся было, но тут же смутился.

– Простите, – сказал он. – Я не принижаю вашу идею. Не думайте, что мы ее не обсуждали – и тогда, и после. Но терапия Киры предлагает абсолютную, неограниченную власть тому, кто ее контролирует. Добавим сюда побочные эффекты, которые постепенно превратят даже Ганди в самовлюбленного, рвущегося к власти диктатора. Вы действительно хотите, чтобы правительство и военные узнали об этом золотом яйце и – прости, Кира – гусе, который несет эти яйца? Попробуйте это представить.

– Да, – растерянно произнес ван Хаттен. – Похоже, идея была необдуманной. Но после всего, что вы рассказали, мне в голову приходит только один образ – здоровенная окровавленная туша в стальной клетке, которую опускают в кишашую акулами воду. Это будет борьба за добычу, страшнее которой не видел мир.

– Вот тут мы с вами полностью сходимся, – весело заметил Гриффин. – Только уберите стальную клетку, и тогда картинка будет абсолютно точной.

11

– Лейтенант, активируйте бомбу, – приказал Джейк.

Вертолет заходил на посадку в нескольких милях от цели. Отсюда до места Джейка подбросит машина.

– Вас понял, – отозвался лейтенант. – Бомба активирована и готова.

– Капитан Руис, что с периметром?

– Полковник, периметр чист. Повторяю, периметр чист. Вы можете действовать.

Джейк сделал глубокий вдох.

– Лейтенант, захват цели и сброс, – сказал он.

– Цель захвачена, сброс произведен, – последовал ответ.

В шести милях над полковником Моррисом Джейкобсоном реактивный самолет освободил держатель. Бомба оторвалась и, будто бык на родео перед распахнутыми воротами, на мгновение зависла в воздухе. Бортовой компьютер переварил поток данных от GPS и получил азимут. Убедившись, что она может достичь цели, войти на десять футов в глубь здания с зеркальными стенами и произвести подрыв, бомба слегка развернулась и, набирая скорость, помчалась к земле.

12

Мэдисон Руссо закончила заниматься сексом со своим бойфрендом, Грегом Дэвисом, и ее охватило теплое ощущение физического и морального удовлетворения. Они встречались уже четыре месяца, а два дня назад он впервые сказал: «Я тебя люблю». Если учесть, что и ее саму уже пару недель переполняло то же чувство, это было просто здорово.

Ее жизнь идет лучше некуда, решила она. И влюбленность – только часть дела.

В школе общение у нее не складывалось, и хотя фигурой и внешностью она была чуть выше средней нормы, ее уверенность в себе была заметно ниже. А победа на научной ярмарке штата определенно не внесла Мэдисон в список клевых девчонок. Ее интеллект и так отпугивал почти всех парней подходящего возраста, а теперь она могла разливать свою победу на ярмарке по бутылочкам и продавать как антимужской репеллент. До окончания школы ее ни разу не поцеловали.

Но в колледже ситуация быстро изменилась. В качестве профилирующего предмета Мэдисон выбрала физику, и ее окружили другие умные люди, разделяющие ее страсть. В основном – мужчины. И чем дальше, тем меньше рядом оставалось женщин. Когда она поступила на это направление в Университет Аризоны, в группе было восемнадцать мужчин, она и еще одна девушка, сейчас – ее ближайшая подруга. Хотя многие энергичные мужчины на физических факультетах всего мира только приветствовали отношения с женщинами, способными понять их работу, большинство предпочитало искать партнерш вне своей научной области. Либо так, либо привыкать к очень одинокой жизни. Но Мэдисон и ее друг были склонны выбирать лучшее из доступного.

Но после трех лет обучения она все еще не была счастлива. В жизни есть не только свидания, и Мэдисон изо всех сил старалась выбрать тему для дипломного проекта. Космология состояла из сплошной теории струн. Эдакая версия стола для классных ребят научного сообщества. И если теория струн – не твое призвание (а Мэдисон точно знала, что не ее), ты сразу становишься гражданином второго сорта. Она чувствовала, что идет ко дну, и было время, когда она всерьез думала бросить магистерскую программу и уйти в промышленность.

Но потом, в этом году, подросли новые разработки в области гравитационных волн. Именно тогда, когда Мэдисон позарез требовалось новое направление. Еще недавно детекторы гравитационных волн стоили сотни миллионов долларов, требовали осцилляции массы, которую можно засечь, а их чувствительность – если это вообще можно так назвать – была смехотворной. Но теперь появилось новое поколение детекторов. Поколение, основанное на новейших теоретических подходах, стоящее пару миллионов и обладающее феноменальной чувствительностью.

В действительности новая технология была чересчур чувствительна, и детекторы ежедневно генерировали данные объемом с библиотеку Конгресса. Если бы не суперкомпьютеры, способные на триллионы операций в секунду, в этом болоте можно было бы утонуть, так и не найдя ничего мельче Солнца, а его, в чем Мэдисон не сомневалась, уже давно нашли.

Она тут же вскочила на эту новую подножку. Такой мощный инструмент способен запустить ученую карьеру не хуже петард на Четвертое июля и забросить астрономию гравитационных волн на невиданный уровень известности в обойме космологии. А Мэдисон в идеальном положении, чтобы начать эту тему с начала. Один детектор в состоянии генерировать океан данных, и если она воспользуется самым мощным из существующих инструментов – тем, что у нее между ушей, – она наверняка отыщет способ сделать серьезное открытие.

Сообщество физиков США, отказавшись от Сверхпроводимого суперколлайдера и понимая, что новой столицей мира физики элементарных частиц станет Женева с ее Боль-

шим адронным коллайдером, отчаянно желало занять лидирующую позицию в этой новой области. Научные центры по всей стране ухватились за новую технологию, даже не дожидаясь исправления всех проблем, а как только проблемы были решены, в одночасье накатила вторая волна внедрения. Сейчас почти семьдесят процентов всех действующих детекторов располагались в Америке. Хотя такое преимущество не могло удержаться надолго, лучший старт физикам США и не требовался. А Университет Аризоны попал в самую первую волну. Мэдисон в самом деле оказалась в нужном месте в нужное время.

Девушка нежилась в знании, что ее жизнь сейчас полнее и лучше, чем она смела надеяться, – и тут компьютерный монитор, стоящий в десяти футах на столе, начал мигать. Свет моргающего экрана в затененной комнате казался нестерпимо ярким. Грег, лежащий рядом, застонал.

– Ты не хочешь его проверить?

– Ага. Очень-очень, – улыбнулась она.

– Похоже, нам нужно новое правило. На время секса мы отключаем мобильники. Видимо, нам нужно заодно отключать и компьютерные мониторы.

– Но это же не во время секса, – заметила она. – Это после.

– Ну, учитывая, как часто срабатывает этот твой генератор ложных тревог, недалек тот день, когда он устроит нам ложное прерывание.

– И ты хочешь позаботиться, чтобы такого не случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.